

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Чортушка

«Театръ представляетъ площадку во дворѣ, предъ главнымъ барскимъ домомъ въ селѣ Волкоярѣ. Лѣто. Барскій домъ старое растреллиевское зданіе, въ родѣ дворца, выходитъ на сцену только огромнымъ арочнымъ подъѣздомъ своимъ. Насупротивъ подъѣзда – нѣчто въ родѣ гауптвахты или каменной будки при заставѣ, скучное желтое, казенное строеніе александровской эпохи. Это контора. Въ глубинѣ опрятныя, щеголеватыя дворовыя службы и высокая литая рѣшетка – фигурный чугунъ – дремучаго, запущеннаго сада. Ворота въ садъ растворены. Изъ-за деревъ видать причудливый куполъ какой-то увеселительной постройки и промышленную крышу старой бани...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Действующие лица	.0005
Дѣйствие I	.0007
Дѣйствие II	.0057
Дѣйствие III	.0098
Дѣйствие IV	.0127

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Чортушка**

*Драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ***[1]**

Действующія лица

Князь Александръ Юрьевичъ Радунскій.
Зина, Дмитрій – его дѣти

Губернаторъ, Предводитель дворянства –
безъ рѣчей

Ковчegovъ, правитель канцеляріи губер-
натора.

Павелъ Михайловичъ **Вихровъ**, **Липинъ** –
Чиновники особыхъ порученій

Исправникъ.

Андрей Пафнутьевичъ Хлопоничъ,
помѣщикъ.

Карлъ Богдановичъ Муфтель,
управляющій кн. Радунскаго, совершенно
обрусѣвшій и позабывшій свою
національность, нѣмецъ изъ старыхъ гвар-
дейскихъ фельдфебелей.

Лаврентій Ивановичъ, дворецкій.

Михаило Давыдокъ, егеръ.

Олимпіада, **Серафима** – дворовыя дѣвки,
фаворитки кн. Радунскаго.

Матрена Никитишна, по прозванію Слобо-
жанка, нянька кн. Зины, вольная.

Конста, ея сынъ, садовникъ, съ Москвы.

Антипъ, старый бродяга изъ крѣпостныхъ кн. Радунскаго, бывшій его приказчикъ.

Левонъ, Максимъ – Дворовые.

Прошка

Голенищевъ, Брусокъ – бродяги

Казачекъ.

Бонна, нянька кн. Дмитрія – безъ рѣчей

Оффиціантъ безъ рѣчей.

Гости. Дворня.

Дѣйствіе въ костромскомъ помѣстьи кн. Радунскаго, вотчинѣ «Волкояръ»

Эпоха: первая половина пятидесятихъ годовъ XIX вѣка.

Дѣйствіе I

Театръ представляетъ площадку во дворѣ, предъ главнымъ барскимъ домомъ въ селѣ Волкоярѣ. Лѣто. Барскій домъ старое растрелліевское зданіе, въ родѣ дворца, выходитъ на сцену только огромнымъ арочнымъ подъѣздомъ своимъ. Насупротивъ подъѣзда – нѣчто въ родѣ гауптвахты или каменной будки при заставѣ, скучное желтое, казенное строеніе александровской эпохи. Это контора. Въ глубинѣ опрятный, щеголеватая дворовая службы и высокая литая рѣшетка – фигурный чугунъ – дремучаго, запущеннаго сада. Ворота въ садѣ растворены. Изъ-за деревъ видать причудливый куполь какой-то увеселительной постройки и промышленную крышу старой бани. На площадке – много дворовыхъ и разнаго званія пришлыхъ людей, ожидающихъ выхода князя Радунскаго. Лаврентій Ивановичъ, дворецкій, стоитъ съ закинутыми за спину руками, въ гороховомъ длиннополомъ сюртукѣ, на ступеняхъ подъѣзда. Михайло Давыдокъ, Левонъ, Максимъ. Голенищевъ и Брусокъ, связанные по локтямъ, окружены

вооруженными охотниками въ чекменяхъ.

Антипъ медленно спускается съ крыльца конторы, – осмотрѣлся, пошелъ къ Лаврентію Ивановичу, поклонился.

Лавр. Ив. Богомолецъ?

Антипъ. Отъ Кеива-града, сударь Лаврентій Ивановичъ. Богъ милости прислалъ.

Лавр. Иван. Что это? Никакъ Антипъ Ильичъ?

Антипъ. Звали и Антипомъ.

Лавр. Иван. Такъ.

Максимъ. Изъ бѣговъ, значить?

Антипъ. Изъ бѣговъ.

Лавр. Иван. Муфтелю являлся?

Антипъ. Онъ меня послалъ.

Максимъ. Ну, стало быть, поздравляемъ васъ, Дѣдушка, пришедши. Будь здоровъ.

Антипъ. И ты будь здоровъ. Максимомъ, что ли, звать-то?

Максимъ. Максимомъ, дѣдушка. Въ конюхахъ я теперь приставленъ еси. А тогда былъ въ фалеторахъ.

Антипъ. Помню голосокъ твой, Максимушко. Звонки.

Лавр. Иван. Долгонько бѣгалъ, Антипъ Ильичъ. Мы тебя давно въ покойникахъ поминали.

Антипъ. Десять годовъ, любезный другъ.

Лавр. Иван. Да, помню. Ты вѣдь бѣжалъ аккуратно въ тотъ день, какъ помереть покойной княгинѣ.

Максимъ. Ужъ былъ денекъ!

Михайло. Одна бѣда не ходитъ, всѣ вмѣстѣ собрались.

Лавр. Иван. Княгиня отдала Богу душу. Матюшку – доѣзжачаго въ петлѣ нашли, тебя нелегкая унесла въ бѣга.

Максимъ. Ха-ха-ха... Гдѣ приказчикъ? Туда-сюда... искать приказчика... Анъ, отъ приказчика и слѣдъ простылъ...

Антипъ. Съ того и ушелъ... Матюшку возжалѣлъ, племянника... Подъ сердце подкатило.

Левонъ. Когда подкатить подъ сердце господскому челоуѣку, это хуже нѣтъ.

Михайло. Единое супротивъ средство: въ бѣга.

Максимъ. А мы, дѣдъ, и по сейчасъ Матюшку поминаемъ.

Антипъ. На томъ спасибо, добрые люди.

Лавр. Иван. И съ чего онъ тогда? былъ любимецъ князевъ, ни разу не съченъ, подарки имѣлъ.

Левонъ. Бѣсъ попуталъ.

Максимъ. Это такъ точно: бѣсъ у насъ въ Волкоярѣ горами качаетъ.

Лавр. Иван. Княгиня-то передъ смертью тоже была какъ обаянная.

Левонъ. Пила, сказываютъ, шибко... Вино полюбила.

Антипъ. Загубленный человекъ.

Лавр. Иван. Всегда такъ-то, когда не пара. Князю было въ ровняхъ высватать за себя принцессу гишпанскую, а онъ мелкопоместную дворянку взять.

Максимъ. Ни то она по-французскому, ни то она по-нѣмецкому.

Лавр. Иван. Грамотъ едва знала.

Левонъ. Красота пройдетъ – мужъ глупую жену любить не станетъ...

Максимъ. Тутъ еще бѣда приспѣла: князь сына желалъ, а княгиня дочь родила.

Лавр. Иван. Вызверился – и, Боже мой! Страшно вспомнить...

Левонъ. Съ глазъ долой прогналь княгиню-то.

Лавр. Иван. Такъ до самой кончины, въ садовомъ павильонѣ и жила...

Михайло. Прямо сказать: заточилъ.

Максимъ. Послѣднее время, бывало, стукнетъ она съ горя у себя въ павильонѣ – понимаете? и пошла, очумѣлая, по саду бродить.

Левонъ. Въ самомъ развращенномъ видѣ.

Максимъ. Пѣсни визжитъ, точно дѣвка деревенская.

Михайло. Сама не своя.

Антипъ. Обиженная женщина.

Лавр. Иван. Мы ужъ ее отъ князя всею дворнею укрывали, чтобы не довѣдался, какъ пьеть.

Антипъ. Хорошо сдѣлала, что померла.

Лавр. Иван. *(не разслыхалъ).* Именно, что хорошо умерла: заказъ мужнинъ исполнила, сына родила и честно скончалась.

Максимъ. Напрасно, дѣдъ, ушелъ: мы тогда на радостяхъ цѣлый мѣсяцъ пьяны были.

Михайло. Хвались!

Максимъ. А чего нѣтъ? Не вру, правду говорю.

Михайло. Правда-то твоя не больно красивая. Помолчать бы. Вотъ что.

Максимъ хохочѣтъ. Русскіе люди! Не кори: татаринѡмъ обзову!

Михайло. Что радость, что горе, – не разобратъ у васъ въ Волкоярѣ. Все равно, – всѣ пьяные. И когда только вы, черти, протрезвитесь?

Левонъ. Милый человѣкъ! Не надо... на што?.. Въ Волкоярѣ и пьяному-то совѣстно глядѣтъ на свѣтъ, а ежели человѣкъ тверѣзый... и-и-ихъ!

Максимъ. Вонъ Матвѣй-покойникъ: въ ротъ не бралъ вина... ну, и повисъ на яблонькѣ!

Антипъ. Цѣла ль яблонька-то?

Лавр. Иван. Цѣла. На первыхъ порахъ, впопыхахъ, забыли срубить, а послѣ князь не велѣлъ.

Левонъ. Ежели у насъ изъ-за каждаго удавленника дерева рубить, такъ это и сада не станетъ.

Максимъ. Да-а... Попировали, попраздно-

вали... Княгиня въ гробу, а по селу – люминація, пѣсни...

Антипъ (ядовито). Ужъ очень князь, значить, сыну обрадовался?

Лавр. Какъ не обрадоваться? Сколько годовъ уповальъ.

Левонъ. Всѣ такъ полагали: ау! изсохла смоковница, анъ, глядъ, врешъ: взяла, да плодъ принесла.

Михайло. А Матвея, точно, жаль. Красота парень былъ твой Матвѣй, дѣдушка.

Максимъ. Бова-королевичъ!

Левонъ. На что ужъ княгиня-покойница не любила нашу орду, а Матюшу – ничего, отличала между всѣми.

Лавр. Иван. Не нажить князю другого такого слуги.

Выходятъ изъ-за службъ: Муфтель – прямо идетъ къ Антипу – и Хлопоничъ – остановился, и бесѣдуетъ запанибрата съ Лаврентіемъ Ивановичемъ.

Муфтель. Ты зачѣмъ же къ намъ пожаловаль, дѣдъ? Наскучило на волѣ?

Антипъ. На волѣ, сударь Карла Богданычъ, никому наскучить не можетъ. Но желательно успокоить свои кости въ родной землѣ.

Муфтель. Въ землѣ? Ишь, какой прыткій. Земля, дѣдъ, это – глядя по покойнику. Землю, дѣдъ, надо заслужить. Велитъ князь, попъ хоть медвѣдя отпоетъ съ церемоніей. Не велитъ, и святому не дастъ погребенія. Такъ и будешь валяться поверхъ земли, какъ падалъ.

Антипъ. Люди не приберутъ Богъ приберетъ. Это все какъ вамъ будетъ угодно.

Муфтель. Не изъ робкихъ, однако. Князь тебѣ не страшенъ?

Антипъ. Что мнѣ можетъ сдѣлать хотя бы и князь? Живу осьмой десятокъ. Хуже смерти ничего не будетъ, а смерти я не боюсь. Даже очень ея желаю. Самое время, Карла Богданычъ. Зажился.

Муфтель. Смотри, старикъ: не пришлось бы готовить спину для расчески.

Антипъ. Да меня и драть-то не по чемъ. Пори, другъ, коли совѣсть не зазритъ. Хлопай плетью по костямъ! Все равно, что на муху съ обухомъ.

Муфтель. Жди, доложу... Что у насъ сего-

дня въ запискахъ? Господи Боже мой! Двадцатый годъ ежедневно хожу на рапортъ, а вѣрите ли, господинъ Хлопоничъ, не могу, чтобы руки не дрожали.

Хлопоничъ. Стало быть, въ дѣтствѣ куръ воровали, оттого.

Муфтель (*смотритъ въ бумаги*). Между прочимъ, господинъ Хлопоничъ, имѣю докладъ о потравѣ вашимъ скотомъ нашего лужка.

Хлопоничъ. Хи-хи-хи? Какая же моя потрава? Ваши объѣдчики захватили мой скоть на моей же землѣ.

Муфтель. На спорной-съ.

Хлопоничъ. Ну! Какая она спорная, Карлъ Богдановичъ? И дѣдъ мой владѣлъ, и прадѣдъ.

Муфтель. Ужъ это вы князю объясняйте, а мнѣ отъ него велѣно, что потрава ваша.

Хлопоничъ. А я спорить, что ли, буду?

Муфтель. Взыщемъ съ васъ штрафъ.

Хлопоничъ. А я заплачу. Хоть и не за что, а заплачу. Я противъ князя не спорщикъ. Угодно его сіятельству, чтобы я былъ виновать, виновать! Угодно, чтобы платилъ — плачу!

Двадцатилѣтнимъ покровительствомъ удостоенъ и ни разу имъ словечкомъ единымъ не поперечилъ. Помните, какъ онъ, князине-ка нашъ, свояченицу мою увезъ, Ольгу Филаретовну?

Муфтель. Это – черномазенькую? На блоху была похожа?

Хлопонищъ. Ничего не на блоху. Имѣла бѣлокурую косу блондинъ и глаза синіе, какъ жандармскій мундиръ.

Муфтель. Мало ли ихъ у насъ перебывало? Запамятоваль.

Хлопонищъ. Прямо изъ дома моего онъ ее выхватилъ, изъ-за имениннаго стола. Въ мою же медвѣжью шубу завернулъ, фюить! Поѣхали!.. Что же? Я развѣ протестоваль? Бери! Шубу – такъ шубу! Свояченицу – такъ свояченицу! Твой есмь! взысканъ, благодарю!

Муфтель. Да, капиталецъ отъ князя собралъ немалый.

Хлопонищъ. Не таю: собралъ. Потому что князь майской грозѣ подобенъ: накажетъ на грошъ, наградить на полтину.

Муфтель. Не очень на грошъ: ищемъ съ васъ семьдесятъ три рубля пятьдесятъ четыре

копейки.

Хлопони́чь. Заплачу. Безъ малѣйшаго колебанія и разговора. Съ признательностью. Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Такъ-то, Карлъ Богдановичъ.

Князь Дмитрій въ припрыжку бѣжитъ съ подѣзда; за нимъ бонна, нянька, Олимпіада и Серафима.

Хлопони́чь. Князенька нашъ молодой! Дому сему наслѣдникъ! Все ли въ добромъ здорѣицѣ? Солнышко наше красное! Ручку пожалуйста!

Нагибаясь къ князьку, становится почти на колѣни.

Муфтель (смотритъ въ бумагу). Расходъ къ утвержденію на перекрытіе садоваго павильона, ибо въ спальной княжны Зинаиды Александровны оказалась течь...

Страшно морщится и вздыхаетъ.

О княжнѣ докладывать... О-хо-хо-хо-хо-хо...
О княжнѣ...

Чешетъ переносицу карандашемъ и, отойдя къ Олимпіадѣ и Серафимѣ, горячо говоритъ съ ними.

Князь Дмитрій. Хлопоничь! Я буду казакъ, а ты лошадь.

Хлопоничь. Извѣстно, что лошадь, князинька, свѣтикъ мой золотой! Го-ги-ги-го! Во всѣхъ статьяхъ суцая лошадь.

Князь Дмитрій (*взбирается ему на спину*). Ты, Хлопоничь, будешь сѣрая лошадь.

Хлопоничь. Въ яблокахъ, ангельчикъ?

Князь Дмитрій, *подумавъ.* Въ яблокахъ. Пошелъ въ садъ!

Хлопоничь. Ги-ги-ги-го!

Увозитъ князька. Бонна и нянька слѣдуютъ за ними.

Олимпіада. Нѣтъ, батюшка Карлъ Богдановичъ. Во всемъ другомъ рады служить съ великимъ удовольствіемъ, а въ этомъ – извините.

Серафима. Вамъ самимъ хорошо

извѣстно, что князь звѣремъ становится, когда ему говорятъ о княжнѣ...

Олимпіада. Своя рубашка къ тѣлу ближе.

Серафима. Онъ спину-то подъ бархатъ отдѣлаетъ и съ разводами.

Муфтель. Пожалѣетъ красавицъ!

Олимпіада. Какъ же!

Серафима. Жалѣлъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гриву!

Олимпіада. Развѣ у него человѣческія чувства? Была бы дѣвка, а которая...

Серафима. Онъ насъ, поди, и по именамъ-то не знаетъ.

Муфтель. Врете! Врете! Обѣ врете, шельмочки! Вы у него – не какъ прежнія, большую силу забрали. Обворожили старика.

Олимпіада. Не знаю, на какой вы счетъ...

Муфтель. Вы мнѣ очковъ не втирайте, а лучше откройте хитрость вашу: какимъ способомъ вы показываете ему сатану?

Серафима. Ахъ, вы относительно сіянсовъ?

Олимпіада. О спиритическомъ пришествіи мертвецовъ?

Муфтель. Э, полно! развѣ я не понимаю,

что все вы устраиваете?

Серафима. Ахъ, какъ много въ васъ ошибки!

Олимпіада. Смѣли бы мы шутить съ княземъ?

Муфтель. Стало быть, и въ самомъ дѣлѣ черти?

Олимпіада. Конечно, черти, Карлъ Богдановичъ.

Серафима. Черти!

Муфтель. И покойники?

Олимпіада. И покойники.

Серафима. Намъ съ Олимпіадой отъ этихъ сіянсовъ даже ужасно жутко.

Олимпіада. Хоть и не наша вина, а господскій приказъ, — но все же какого грѣха мы набираемся?..

Серафима. Вѣдь это волшебство! За него отвѣтъ на томъ свѣтѣ.

Олимпіада. Да и страшно, инда дрожимъ.

Муфтель. Ладно! Видѣлъ я, какъ вы дрожите. Щеки отъ смѣха лопнуть хотятъ. Палецъ вамъ покажи въ то время, обѣ прыснете. Вотъ возьму и покажу палецъ

Дѣвушки хохочутъ.

Олимпіада. Нѣтъ, Карль Богдановичъ, не показывайте!

Серафима. А то, и впрямь, неровень часъ.

Муфтель. Хорошо... Хорошо... Ну, а на счетъ княжны-то?

Олимпіада. Пожалѣйте, Карль Богдановичъ!

Серафима. Рыскъ невообразимый.

Муфтель (*грозитъ пальцемъ*). Ой, дѣвушки, не ссорьтесь съ Богданычемъ. Рука руку моетъ. Сейчасъ вы сильнѣе меня у князя, это что и говорить. Но вашей сестры у него сколько хочетъ, столько просить, а Муфтель одинъ. И сегодня Муфтель передъ тобою картузь гнетъ, а завтра Муфтель тебѣ спину деретъ.

Князь Дмитрій (*съ гикомъ выѣзжаетъ на Хлопоничѣ обратно, треплетъ его за волосы, бьетъ кулаченками по щекамъ*). Но, Хлопони-чъ! Но! Ну, скачи же, Хлопони-чъ! Что же ты, Хлопони-чъ, не ржешь?

Хлопони-чъ. Ги-ги-ги-го!

Князь Дмитрій. Стой! Довольно!

Соскочилъ.

На верхъ, къ папъ, пускай меня Муфтель везетъ.

Муфтель. Нѣтъ, князинька, Муфтель не повезетъ.

Князь Дмитрій. Отчего?

Муфтель. Оттого, что Муфтель солдатъ, а не лошадь.

Князь Дмитрій. А какъ же Хлопонищъ лошадь?

Муфтель. Ужъ такъ, видно, его Богъ превратилъ, поставилъ съ двухъ ногъ на четыре копыта.

Князь Дмитрій. Развѣ такъ бываетъ?

Муфтель. Бываетъ, князинька.

Князь Дмитрій. Затѣмъ?

Муфтель. А который человекъ подлець ужъ очень большой. За подлости человѣческія.

Князь Дмитрій. Ну, такъ мы съ тобою вмѣстѣ, за ручку пойдемъ?

Муфтель. За ручку, – изволь, – пойдемъ.

Уходятъ.

Хлопонищъ (*красный, растроганный, масляный*). И, что за дитя. Что за ангельское дитя!

Оглянулся.

У, пострѣленокъ анаѳемскій! Весь въ отца аспида... Шельма растеть, кровопійца!.. Настукалъ рожу, словно барабанъ... (*Къ дворовымъ*). Ребята! Добегите который-нибудь до сада. Тамъ въ цвѣтникѣ на березкѣ картузь мой висить, — ангельчикъ нашъ, добрый князь Митенька, закинулъ.... (*Къ Олимпіадѣ и Серафимѣ*). Красавицы! васъ-то мнѣ и надо, старичку. Съдъ-съдъ, а съ дѣвкою дородною пошептаться люблю... Съмъ-ка отойдемъ въ сторону, да поищемъ ума на два словечка.

Антипъ. Князекъ молодой?

Максимъ. Онъ самый, Антипъ Ильичъ.

Антипъ. Что-й-то съ лица-то, ровно бы, совсѣмъ и непохожъ?

Левонъ. Надо быть, въ мать удался.

Антипъ. Хорошее дитя.

Михайло. Одно слово: надѣжа!

Антипъ. Самъ любитъ сынишку-то?

Максимъ. Души не чаеть.

Антипъ. Хе-хе-хе-хе-хе.

Михайло. Наслѣдникъ!

Антипъ. А княжна Зинаида, по прежнему, въ черномъ тѣлѣ?

Максимъ. Какъ была, такъ и сейчасъ.

Антипъ. Хе-хе-хе-хе.

Казачекъ (*катится съ подѣзда*). Князь идетъ!

Лавр. Иван. (*вытягивается*). Князь идетъ!

Хлопониць (*охорашивается*). Князь идетъ!

Когда князь Александръ Юрѣвичъ показывается на подѣздѣ, мертвая тишина. Муфтель слѣдуетъ за нимъ.

Князь (*съ подѣзда*). Этотъ лысый, сѣдой — какой человекъ?

Муфтель. Тотъ самый, о которомъ я докладывалъ вашему сіятельству: бѣглый Антипъ Пчелинецъ.

Антипъ подходитъ, кланяется въ ноги.

Князь. А-а-а!.. Любопытно. (*Къ прочимъ*).
Отойдите-ка въ сторонку... Здравствуйте, Антипъ Ильичъ, здравствуйте... Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Нагулялся, старый чортъ?

Антипъ (*холодно*). Нагулялся.

Князь. А уходилъ куда?

Антипъ. Бога искать. Къ Богу ближе захотѣлось.

Князь. Отъ насъ, стало быть, къ Нему далеко?

Антипъ. А вы какъ думали? Богъ на волю живетъ. Въ крѣпости Бога не бываетъ.

Князь. Философъ!

Антипъ. Этого я не понимаю.

Князь. Отъ меня ты къ Богу прогулялся, а отъ Бога назадъ ко мнѣ... къ Чортушкѣ!

Хохочетъ.

Слыхалъ, старикъ, что меня сосѣди нынѣ Чортушкою зовутъ? Нашелся какой-то остроумецъ – мѣтко выдумалъ.

Антипъ. Жизнь кончатъ гдѣ-нибудь надо! Не въ раю, такъ въ аду.

Князь. Резонъ. Ну, старикъ, не знаю, на-

брался ли ты въ бѣгахъ ума, но дерзить выучился. Только напрасно, дѣдъ: дудки! Не выпорю.

Антипъ. Ваша воля.

Князь. Да. Не выпорю. Потому что очень ужъ ты напрашиваешься. А я вотъ и не трону. Что тебя истязать? Ишь какъ ты приготовился! Тебя пороть теперь одно тебѣ самодовольство. Я такого человѣка никогда пальцемъ не коснусь.

Антипъ. Ваша воля.

Князь. Именно, душа моя, что моя. Тебѣ вотъ мученикомъ быть хочется, а я тебѣ вмѣсто мученичества, шишъ! Розогъ и плетей больнѣе... Такъ-то, старикъ! Злишь не злишь, дерзи не дерзи, хоть родителей моихъ не добромъ помяни, — не выпорю. Только смѣяться буду, какъ тебя отъ злости корежитъ.

Антипъ. Умѣете надругаться надъ человѣкомъ. Что и говорить.

Князь (*вглядывается насмѣшливо*). Ходилъ ты къ Богу, Антипъ, а вѣдь Богъ-то тебя не принялъ.

Антипъ (*угрюмо*). Ну, и не принялъ. Вамъ-то что?

Князь. Не принялъ, не принялъ...
Смирения въ тебѣ ни капли нѣтъ. Ни
спокойствія, ни смиренія нѣтъ.

Антипъ. Ему чистые духомъ нужны, а не
такіе, какъ мы съ вами.

Князь. А-а! Полюби насъ черненькими, бе-
ленькими насъ всякій полюбитъ...

Антипъ. И вы покаетесь, да – поздно.

Князь. Лучше поздно, чѣмъ никогда. А
вотъ неудачно покаяться, какъ ты... это,
должно быть, непріятно! Съ чего бѣжалъ-то,
въ самомъ дѣлѣ? По Матвѣю заскучалъ?

Антипъ. Такъ точно.

Князь. Вотъ скажи, если знаешь: съ како-
го лиха онъ сталъ чорту баранъ? Сколько
лѣтъ вспоминаю его: не могу понять. Кажет-
ся, не былъ отъ меня ничѣмъ обиженъ.

Антипъ (*потупился, съ большою и глухою
злобою*). Ничего мы не знаемъ, и кто можетъ
знать? Знаетъ Царь небесный! Чужая душа
потемки. Караетъ насъ Господь за беззаконія
наши въ чадахъ нашихъ.

Князь. Ну, не все же за твои беззаконія, –
Матвѣй не маленькій былъ, небось, и свои
грѣшки уже водились. А, что правда, то прав-

да, Антипъ. Беззаконникъ ты. Кого хочешь по уѣзду спроси, всякій тебѣ скажетъ: бывали у князя подлецы-приказчики, а все не такіе, какъ Антипъ Ильичъ...

Антипъ. Для васъ же совѣсть грязнилъ и славу свою въ людяхъ портилъ.

Князь. Те-те-те! Съ больной головы на здоровую. На меня своихъ грѣховъ не перекладывай. Ты не мой слуга, покойнаго папеньки. При немъ опричничалъ. Звѣрь.

Антипъ. Что стариною корить? Былъ звѣрь, сталъ человѣкъ. Дай Богъ всякому.

Князь. Чудо природы: звѣрь въ люди вышелъ! Куда же мнѣ тебя, отставной звѣрь, теперь опредѣлить? Ни къ какому рабочему дѣлу ты не годишься, а нищимъ на паперти сидѣть, по деревнямъ въ куски ходить – нелзя: изъ моихъ крѣпостныхъ нищихъ не бываетъ... Муфтель! Что съ нимъ сдѣлать?

Муфтель. Я такъ думаю, ваше сіятельство: положить ему паекъ и поселить его въ садовой банѣ, пусть сторожить, дѣло не мудреное.

Князь. Тамъ и сторожить-то нечего. Развалина. Я думаю, ея не топили уже года три. (Къ Хлопоничу). Новую строю. Видалъ?

Сходитъ съ подѣзда.

Хлопоничь. Бани, ваше сіятельство, не видалъ, а мужичковъ видѣлъ.

Князь. Что?

Хлопоничь. Мужичковъ вашихъ... съ топорами... Въ моей рощѣ хозяйничали... Говорятъ: князь баню строить, лѣсъ требуется... Ничего, достаточно оголили: дубковъ до сорока.

Князь. Ты врешь, Пафнутьичъ. Какая твоя роща?

Хлопоничь. А Синдѣевская, ваше сіятельство, которая на взгорѣ.

Князь (*топаетъ ногами*). Свинья! Каналья! Съ какихъ поръ она твоя? Муфтель! Возьми его за шиворотъ, сведи въ контору, покажи планъ... Ахъ ты, глухарь! Синдѣевская роща была наша еще по екатерининской размежовкѣ... А ты, лопухъ...

Хлопоничь. Батюшка! Ваше сіятельство! Не извольте беспокоиться! Развѣ я спорю? Ваша Синдѣевская роща, разумѣется, самъ говорю, что ваша. Люди по здѣшнимъ мѣстамъ

безъ разума живутъ: какъ мое пользованіе
рощею очень давнее, пріобыкли къ глупому
обычаю, будто бы моя. А ваша роща! Искони
ваша!.. И мы ваши, и все наше ваше!..

Князь. Такъ-то лучше. За то, что ты не
упорствовалъ противъ моего слова, оцѣни
срубленный лѣсъ, во сколько самъ захочешь.

Хлопонищъ. Слушаю, батюшка, ваше
сіятельство. Благодарствую, благодетель, отецъ
родной.

Князь. Муфтель! Если онъ оцѣнитъ лѣсъ
по чистой совѣсти и правой цѣнѣ, заплати
ему вдвое. Если запроситъ дорого, гони его со
двора въ шею: пусть ищетъ судомъ...

Хлопонищъ. Дерзну ли я, ваше
Сіятельство?

Князь (Антину). А ты, старикъ, ступай, не
поминай меня лихомъ, живи – служи: взыска
на тебѣ не будетъ.

Муфтель (дворовымъ). Проводите его кто-
нибудь.

Хлопонищъ. Вотъ тебѣ, лысый, какая бла-
годать: десять лѣтъ бѣгалъ и выбѣгалъ
богадѣльню.

Максимъ уходитъ съ Антипомъ.

КНЯЗЬ (*показываетъ тростью*). Бродяги?

Бродяги валяются въ ноги.

Муфтель. Такъ точно, ваше сіятельство. Вчера наши охотники взяли въ овсахъ.

КНЯЗЬ. Ишь, честная парочка! Развязать.

Голенищевъ (*широко улыбаясь*). Рученьки замлѣли...

Левонъ (*развязываетъ*). Нишкни!

Михайло. Передъ княземъ стоишь, дуракъ!

Голенищевъ (*струсилъ*). Я ничего.

КНЯЗЬ. Это вы у моего мужика клѣть сломали.

Брусокъ. Прости, государь.

КНЯЗЬ. Вы что же дѣлаете, черти? Это по-сосѣдски? Когда и въ чемъ вы видѣли отъ меня обиду?

Брусокъ. Оголодали, государь. Лопатина худая. Лѣсами шли, боялись, безъ запаса, голодомъ помереть.

КНЯЗЬ. Когда вы голодны и холодны, то

приходите честь честью въ контору тамъ для васъ припасено, а разбойничать на моихъ земляхъ – не смѣй! Муфтель! Обоимъ-по двѣсти лозановъ.

Голенищевъ. Помилуй, государь!

Князь. Потомъ накормишь ихъ, выдашь по рублю серебромъ ступайте на всѣ четыре стороны.

Брусокъ. Благодаримъ покорнѣйше, государь!

Голенищевъ. Вѣкъ не забудемъ твоей милости!

Брусокъ. Встрѣчнымъ товарищамъ закажемъ – обижать твою хлѣбъ-соль!

Ихъ уводятъ.

Муфтель (*вполголоса*). На Кортюминскомъ пустырьѣ обнаружено мертвое тѣло... Ребенокъ... пуповинкою удушился.

Князь. Родила какая–нибудь неосторожно. Пошли зарыть.

Муфтель. Осмѣлюсь доложить, что есть огласка въ народъ... можетъ быть слѣдствіе.

Князь. А кому отъ слѣдствія польза? Стано-

вому, лекарю, стряпчему? Покойнику все равно, а мужикамъ раззоренье. Зарыть.

Муфтель. Кому прикажете?

Князь. Михаилу Давыдка пошли. Вотъ его.

Михайло валится въ ноги.

Князь. За что?

Муфтель. Былъ наказанъ. Благодарить за науку.

Князь. Въ чемъ провинился?

Михайло. Не могу знать, ваше сіятельство.

Князь. Муфтель?

Муфтель. Для комплекта, ваше сіятельство. Какъ вся наша дворня драная, онъ одинъ былъ не драный. Вашему сіятельству было угодно приказать, чтобы другимъ было не обидно.

Князь. Такъ и не знаешь, дуракъ, за что тебя пороли?

Михайло. Никакъ нѣтъ... не могу знать... Ежели пороли, стало быть, есть за что. Безъ вины пороть не будете...

Князь. Вотъ это отвѣтъ! Это слуга! Встань, рабъ любимый! Въ маломъ былъ мнѣ вѣренъ,

надъ многими тебя поставлю. (*Къ Хлопоничу*).
Люблю: души добрѣйшей и ума не дальняго.
Жизнь мнѣ спасъ: на охотѣ изъ зыбучаго бо-
лота вытащилъ.

Хлопочинъ. А с ѣ рожи хоть сейчасъ въ
разбойничьи эсаулы.

Князь. Кажется, никогда и былъ таковы-
мъ.

*Опрашивая народъ, проходитъ къ служба-
мъ; видно, какъ онъ бредетъ между ними, съ
Муфтелемъ.*

Лавр. Иван. (*Хлопоничу*). Темный
человѣкъ Давыдокъ. Едва-ли не изъ
ухорѣзовцевъ. Слыхали про атамана Ухорѣза?
На Немдѣ станами стоялъ...

Олимпіада. Его военная команда разбила.
А шайка разбрелась. Около того времени и
Давыдокъ у насъ объявился.

Лавр. Иван. О немъ насъ не только ис-
правникъ изъ губерніи запрашивали.

Серафима. Князь отписался.

Хлопоничъ. Лихъ отписываться князь!

Лавр. Иван. Такихъ шпилекъ начальству

въ бока насаждаетъ, до Питера занозъ не перетаскать!..

Хлопоничъ. Это у него, прямо въ родъ болѣзни стало, превредную страстишку завелъ: принимаетъ подъ свою защиту всякій подозрительный сбродъ.

Лавр. Иван. Только поссорься съ земскою полиціей, а ужъ князь не выдастъ. Поддержитъ. Волю ненавидитъ, удалъ любить. Мнѣ, говоритъ, нищій разбойникъ спорѣ богатаго мужика.

Олимпіада. Вотъ и теперь съ Москвы прибѣжалъ Конста, сынъ Матрены-Слобожанки... Видать, что не съ добромъ пришелъ парень: полиція загнала... А князь приказалъ его за садовника взять.

Серафима. Ужъ это за материны заслуги.

Отходитъ съ Хлопоничемъ.

Левонъ. Чортъ ты, Давыдокъ! Дьяволъ! Лѣшій болотный!

Михайло. Ну?

Левонъ. Безъ вины подъ розги ложишься!.. Ужъ наше горькое дѣло! Холопское! А ты вѣдь

бѣглый – почитай, что вольный!

Князь у садовыхъ воротъ встрѣтилъ Зину и Матрену и съ неудовольствіемъ возвращается, сопровождаемый ими.

Михайло (Замахнулся на Левона). Убью!..

Лавр. Иван. Тише, демоны! Съ ума сошли?
У князева крыльца завели драку!

Михайло. А онъ незамай!

Левонъ. Чортъ бѣшенный! Право, чортъ!
Кидается, ровно я ему брюхо отъѣлъ...

Михайло. А ты зачѣмъ волею дразнишь?
Не люблю... Ежели челоѡкъ въ несчастьи...
Я за волю-то, можетъ, людей убивалъ... Сво-
лочь!

Уходитъ.

Князь. Ну, да... ну, да... прекрасно...

Зина. Я, папенька, только поздравить съ
праздникомъ.

Князь. Какой праздникъ? что за праздни-
къ? Кому нужны праздники? кто варить въ
праздники? Ну-ну-ну... благодарю... вотъ

тебѣ...

Даетъ деньги.

Зина. Благодарю васъ, папенька...

Князь (*смотритъ съ неудовольствіемъ*).
Какая ты большая!

Зина. Неудивительно: мнѣ восемнадцать лѣтъ.

Князь. Восемнадцать лѣтъ?.. Уже! Скверно! Скверно! Ну-ну-ну... Тамъ все для тебя... Муфтелю вельно... Хорошо. Прощай. Хорошо.

Зина. Позвольте братца повидать?

Князь. Чего тамъ?

Зина. Я только ручку поцѣлую...

Князь. Хорошо. Иди.

Зина. Пойдемъ, мама Матрена.

Идетъ къ подъѣзду.

Лавр. Иван. (*съ почтительнымъ состраданіемъ, вполголоса, но твердо*). Боковымъ крыльцомъ пройти извольте, съ параднаго не вельно васъ допускать.

Матрена (*вспыхнула*). Да, что ты, батюш-

ка...

Лавр. Иван. Для васъ же-съ... предупреждаю, чтобы безъ ослушанія...

Зина. Да, да. Благодарю, Лаврентій... Мама Матрена, пойдёмъ.

Уходятъ за уголъ.

Князь (*говоритъ тѣмъ временемъ съ Хлопонищемъ. Оторвался, отъ разговора и смотритъ на дочь*). Не могу... И дочь, и хороша, и на меня похожа, не могу... Противна... Какъ въ колыбели ее увидалъ, комкомъ краснымъ, тогда сразу противна стала. И вотъ теперь, большая уже... Не могу.

Хлопонищъ. Ваше сіятельство?

Князь. Что?

Хлопонищъ. Осмѣлюсь почтительнѣйше спросить: какъ изволили рѣшить относительно моей симбирской деревни?

Князь. Дорога... Семьдесятъ тысячъ просишь... большія деньги.

Хлопонищъ. Ваше сіятельство! Вы имѣніе знаете: вдвое стоитъ...

Князь. Хоть и не вдвое, а семидесяти ты-

сячь стоять. Да, рѣшиться, братецъ, не могу:
деньги велики.

Хлопони́чъ. Развяжите душу, ваше
сіятельство!

Князь. Спѣшишь?

Хлопони́чъ. Сыновей дѣлю.

Князь. Хорошо. Я спрошу... посоветуюсь...

Хлопони́чъ. Помилуйте, ваше
сіятельство!.. Кого вамъ спрашивать? Вы са-
ми все на свѣтѣ лучше всѣхъ знаете.

Князь. Духа спрошу, столъ стучащій. Какъ
онъ скажетъ о твоёмъ имѣніи, такъ тому и
быть.

Хлопони́чъ. Слушаю, ваше сіятельство.

Князь. Сегодня же вечеромъ. Первымъ во-
просомъ твое желаніе поставлю. Улыбаться,
кажется, изволишь?

Хлопони́чъ. Смѣю ли я?

Князь. Спиритизмъ великая сила. Знаніе!
Понимаешь ты?

Хлопони́чъ. Слушаю, батюшка, ваше
сіятельство. Какъ вамъ угодно.

Князь. Единственное знаніе, которое нуж-
но человѣку... Да! О томъ, что тамъ, за перего-
родкою... Понимаешь?

Хлопони́чъ. За перегородкою-съ?

Князь. О, дуракъ! За перегородкою между здѣсь и тамъ, – на тотъ свѣтъ.

Хлопони́чъ. Да-съ, если на тотъ свѣтъ... конечно.

Князь. Живыми тѣлесными глазами не заглянешь черезъ эту перегородку, какъ ни становишься на ципочки. Человѣческій разумъ ничтожество. Онъ – до стѣны. А за стѣною – дудки! безсиленъ! Покойная моя княгиня Матрена была дура, но она теперь знаетъ, что тамъ. А я и не глупъ, да стою въ потемкахъ, предъ запертою дверью. Догадки, теоріи лопаются, какъ мыльные пузыри. Евреи говорятъ правду: въ раю осель умнѣе мудрѣйшаго изъ нашихъ мудрецовъ. Поговорилъ бы я теперь съ Матреною Даниловною... много охотнѣе, чѣмъ съ живою.

Хлопони́чъ. Поговорите, ваше сіятельство! Покойница была добра ко мнѣ. Она вамъ хорошее для меня посовѣтуетъ.

Князь. Я часто звалъ ее, но до сихъ поръ она не приходила.

Хлопони́чъ. А сегодня вы еще позовите.

Князь. Позову.

Хлопоничъ. По моемъ дѣлѣ спросите?

Князь. Спрошу.

Хлопоничъ. Въ первую очередь?

Князь. Въ первую очередь. (*Пишетъ въ записную книжку*). Видѣлъ? Вопросъ первый: «взять ли мнѣ за себя симбирское имѣніе Хлопонича?»

Хлопоничъ. Нижайше благодарствую вашему сіятельству.

Князь подзываетъ Лаврентія Ивановича и, опираясь на его руку, поднимается на лѣстницу.

Хлопоничъ. Красавицы! Слышали? Вопросъ первый: «взять ли?»

Олимпіада. А, если первый, то мы на первое и отвѣтимъ: «взять!»

Раздается нѣсколько спиритическихъ стуковъ.

Хлопоничъ. О, чортъ! Какъ вы это?

Олимпіада. Секретъ.

Серафима. Только сережки изумрудныя,

которыя условлено, пожалуйста выдать на руки.

Олимпіада. Теперъ же, до сіянса!

Серафима. Да-съ, до сіянса!

Олимпіада. И мнѣ тоже бархатъ обѣщанный.

Хлопонищъ. Все будетъ, кралечки. Еже-ли выгоритъ мое дѣло, не пожалѣю прибавить сто рублей.

Серафима. Не очень-то расщедрились: сами семьдесятъ тысячъ ухватить норовите.

Хлопонищъ. Сторгуемся!

Олимпіада. Только чтобы до дѣла! Послѣ дѣла съ васъ взятки гладки.

Серафима. Ученыя!

Олимпіада. Вы приходите сейчасъ въ мою комнату: тамъ и отдадите.

Серафима. Честнѣ всего.

Хлопонищъ. Удивительный человѣкъ князь! Въ Бога не вѣритъ, въ ученыхъ не вѣритъ, а въ дѣвокъ щелкающихъ увѣровалъ...

Уходитъ въ контору.

Зина и Матрена показываются изъ-за угла.

Зина. Здравствуйте, Олімпіада Евграфовна.

Олімпіада. Ахъ, Зиночка! Здравствуйте.

Подаетъ руку.

Серафима (также). Здравствуйте.

Матрена. Какая она тебѣ Зиночка, песъ?

Зина. Мама Матрена, оставъ.

Матрена. Ошалѣла ты, барская барыня? Залетѣла ворона въ высокія хоромы!

Олімпіада. Ежели ихъ крестили Зинаи-дою, то – кромѣ Зиночки – какъ же ихъ въ ласковости назвать?

Матрена. Не смѣешь ты, ничтога, барышнѣ ласковость оказывать. Хамка! Княжна она для тебя! Ваше сіятельство!

Зина. Мама Матрена, оставъ.

Серафима. Скажите пожалуйста!

Олімпіада. Вы, тетенька, не кричите! Отъ крика пользы нѣтъ, только уши пухнуть.

Серафима. Мы вамъ ничего дурного не сказали, а въ вашемъ положеніи надо быть скромнѣе, и горячиться – ни къ чему.

Олімпіада. Вы знаете, какъ относится

князь къ княжнѣ.

Серафима. Съ вашей стороны это большая смѣлость и учтивость, что мы такъ свободно съ вами разговариваемъ.

Матрена. Что? Ахъ вы, шлепохвостыя!

Олимпіада. Мы къ княжнѣ настолько благодарны, что рискуемъ быть за нее въ строгомъ отвѣтъ, а вы, между прочимъ, лаетесь.

Серафима. Но мы это относимъ къ вашему несчастію и необразованію и на васъ не обижаемся.

Олимпіада. Прощайте, Зиночка!

Серафим а. До свиданія, милочка!

Олимпіада. Вы, если что вамъ нужно, пожалуйста, прямо ко мнѣ... Я вамъ помочъ всегда готовая...

Серафима. И въ моей добротѣ не сомнѣвайтесь...

*Хвастливо уходятъ по главному подъѣзду.
Долго еще слышенъ ихъ смѣхъ.*

Матрена. Онѣ очумѣли, Зинушка! Онѣ ошалѣли!

Зина. Обнаглѣли онѣ, а не ошалѣли.

Матрена. Шлюхи! Швали! что же это, Господи? Жили худо, а такого еще никогда не было.

Зина. Чему хорошему быть, если отецъ самъ подаетъ примѣръ? Я для него хуже змеи, — жаба, червь земляной!

Матрена. Каковъ онъ съ тобою, это его родительское дѣло. А дѣвки рабы! Не смѣютъ онъ! да! не смѣютъ!

Зина. Кого имъ бояться-то?

Матрена. Все-таки...

Зина. Кромѣ тебя, за меня заступиться некому — никто и не заступится. Я здѣсь послѣдняя спица въ колесницѣ. Ниже послѣдней дворовой дѣвки, поломойки. Князь дѣвку на верхъ возьметъ, дѣвка въ случай попадетъ, хоть кусокъ сладкой жизни ухватить. А мы съ тобою заточенныя. Сгинемъ въ своемъ павильонѣ и пропадемъ, какъ покойная мама отъ него, изверга, пропала.

Матрена. Тише ты, безумная! Неравно кто услышитъ, доведетъ до князя... и не размотать тогда бѣды!

Зина. Платье-то на Олимпіадѣ? Ха-ха-ха! Французская матерія, издали видать. Серьги

брильянтовая, браслеты, золотая цѣпочка... ха-ха-ха! А у меня башмаки дырявые, и Муфель ждать просить: не смѣетъ въ расходъ включить, его сіятельство осердятся... Безъ башмаковъ держать! Барышню! Взрослую дочь!.. Нянька! Нянька! Есть гдѣ-нибудь на него управа или нѣтъ?

Матрена. Есть, надо быть, да мы то съ тобою не сыщемъ.

Зина. Въ брильянтовыхъ серьгахъ, въ браслетахъ! А давно ли босикомъ по лужамъ шлепала, индюшекъ пасла?..

Матрена. Это – какъ есть.

Зина. Зиночкою смѣетъ звать! Руку подать! Не цѣловать ли еще лапу свою прикажетъ? Тварь ползучая! Нашель сокровище на верхъ взять! Съ псарями подъ заборами валялась... Помню я!

Матрена. Ну, такихъ дѣлъ помнить тебѣ не откуда.

Зина (очень надменно). Что такое?

Матрена. Говорю, что не видала ты такихъ примѣровъ и словъ подобныхъ не должна выкликать. Ты дѣвушка. Стыдъ нити.

Зина. Я гдѣ живу, нянька?

Матрена. Въ Волкоярѣ живешъ, у папеньки.

Зина. Откуда же мнѣ было стыда набратъся? У волкоярскихъ людей стыда нѣтъ. Какой такой стыдъ на свѣтѣ живетъ? Я не знаю. Все-го въ Волкоярѣ насмотрѣлась, а стыда не видывала. Гувернантокъ, учительшъ не имѣла. Съ дѣвками росла... Съ родительскими наложницами. Все знаю. Про всѣхъ. И про тебя, мамушка, тоже... какова ты была, когда онъ тебя молоденькую – наверху держалъ!.. Все до ниточки! По-французскому, по-нѣмецкому, – этого я не могу: не научили княжну, не удостоилась... А кто съ кѣмъ спитъ, это я тебѣ хоть про весь Волкояръ. День деньской длиннохвостыя сороки во флигель вѣси носятъ... Развѣ предо мною остерегаются? Что я? Не то барышня, не то «своя сестра»... дура полуграмотная! Рѣшили люди, что «безчастная», такъ тому и быть. И не стыди ты меня! Не хочу я никакого твоего стыда! И такъ въ неволѣ этой безумной... Что ты мнѣ стыдомъ въ глаза тычешь? Безъ стыда-то я хоть посмѣюсь!.. Смѣхомъ изъ себя злобу выведу!

Матрена. Кровища въ тебѣ гуляетъ, дѣвка.

Вся въ отца! Ишь ошетинилась, звѣрь
звѣремъ. Замужъ тебѣ пора, Зинаида Алек-
сандровна.

Зина. Кто меня возьметъ? Я необразован-
ная.

Матрена. Зато изъ себя видная. Княжна!
Если отецъ на приданое расщедрится, тебя
женихи съ руками оторвутъ.

Зина. Это онъ-то дастъ приданое? Онъ
Муфтеля нарочно въ Питеръ посылалъ, что-
бы сдѣлать Волкояръ родовымъ, и все доста-
лось бы брату. Чтобъ ему, этому мальчишкѣ...

Матрена. Не шуми, Зинаида. Пожалѣй ты
свою и мою голову. Не шуми.

Зина. Да, и кого мы видимъ? Какихъ лю-
дей? Кто меня видитъ? Тюрьма! тюрьма!
тюрьма!

Конста (*поетъ въ саду и играетъ на гармо-
никѣ*).

Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчонка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Ты покинулъ мать-старуху,
Отца стара-старика...
Никого ты не спросился
Кромѣ сердца своего!

Выходитъ изъ садовыхъ воротъ вмѣстѣ съ Антипомъ. Оба слегка выпили: Антипъ изрядно, Конста едва-едва.

Матрена. Конста поетъ.

Зина. Веселый онъ... Хорошій у него голова...
съ...

Матрена. Да, во дворъ взять – кромѣ Михайлы Давыдка, противъ Консты въ пѣсняхъ никому не выстоять.

Зина. Давыдокъ пожилой человекъ, а Конста молоденькій. Сколько онъ прибаутокъ всякихъ знаетъ, исторіевъ...

Матрена. Да, какъ онъ съ Москвы пришелъ, все у насъ въ павильонѣ стало какъ будто посвѣтлѣе...

Конста (поетъ).

*Ужъ какъ жилъ ты, мальчикъ, ве-
селился
И имѣлъ свой капиталъ.
Капиталу ты рѣшился
И въ неволю жить попалъ...*

Антипъ (подхватываетъ козлинымъ голо-
сомъ).

*Что во ту ли, братецъ, во неволю
Въ бѣлый каменный острогъ.*

Зина. Ты все поешь?

Конста. Какъ же мнѣ, барышня, теперь не пѣть, если я подпѣвателя нашелъ?

Антипъ. Хе-хе-хе! Подпѣвателя... Бойкій парень... одобряю! Хорошъ сынъ у тебя, Матрена Никитишна, хвалю.

Конста. Барышня! Позвольте вамъ старика ракиминдовать: съ нонѣшняго дня помощникъ мой... отставной козы барабанщикъ!

Антипъ. Съ того и выпито.

Конста. На пріятномъ знакомствѣ, поздравемшись.

Зина. Зачѣмъ тебѣ помощникъ, Конста?

Антипъ. Князя надо спросить... родителя... самого...

Конста. Я ничего не дѣлаю, а онъ съ меня и сей трудъ снимаетъ... (*Поетъ*):

*Свѣтъ небесный возсіяетъ,
Барабанъ зорю пробьетъ...*

Матрена. Смотрите вы, пѣсельники: князь услышитъ.

Говоритъ съ Антипомъ.

Конста. Ничего не обозначаетъ: князь пѣсни любить.

Зина. Ты, Конста, лучше вечеромъ къ намъ въ павильонъ приходи пѣсни-то играть, на крыльцо.

Конста. Это ужъ, барышня, обязательно. По обыкновенію. И приказывать не надо, будемъ-съ.

Матрена (Антипу). Всѣ о нихъ говорятъ нонче, о новыхъ мѣстахъ, будто очень они пріятны крѣпостному человѣку, да не знаемъ мы, старичекъ почтенный, какія они бываютъ, новыя-то мѣста.

Антипъ. Я тебѣ все расскажу. Я тебѣ уже расскажу. Про Херсонъ... Одестъ-городъ.

Конста. Мамонька! Онъ старикъ, одного дня въ Волкояръ не пробывши, уже подбиваетъ меня въ бѣга.

Зина. Въ бѣга?

Конста. Такъ сладко поетъ, что эхъ, кабы хорошій товарищъ, да денегъ малую толику... Часу я не сидѣлъ бы въ этой мурѣ! Ударились бы мы со старикомъ въ Одестъ-городъ.

Зина. Только тамъ тебя не видали.

Матрена. За какимъ бы это лихомъ, дозволь спросить?

Конста. Зачѣмъ за лихомъ? Добра сыщемъ!

Матрена. По этапу не хаживаль, – должно быть, въ охотку?

Конста. Этапъ для дураковъ.

Матрена. А ты умный?

Конста. Я, конечное дѣло, мамонька, разсудкомъ въ головъ мамонька владаю.

Антипъ. Въ Одестѣ большія дѣла можно дѣлать. Пшеница... Табакъ... Виноградъ...

Конста. А ежели смѣлый духъ въ сердцѣ имѣешь, такъ хорошо товаръ провозить мимо таможни: мое вамъ почтеніе, здравствуй да прощай!

Антипъ. По трюмамъ пароходнымъ работать тоже дѣло не плохое. Будешь имѣть свою халтуру.

Матрена. Чай, вашего брата за это не хвалятъ?

Конста. Да ужъ тутъ знакомое дѣло: чья взяла!

Антипъ. Можетъ – на всю жизнь богатъ бу-

дешь, а, можетъ, и – рыбамъ на кормъ.

Конста. Пуля въ лобъ, – и шабашъ! У-ахъ!

Матрена. Каторжный ты; Конста, истинно каторжный въ тебѣ духъ... И въ кого такой уродился?

Конста. Какъ тятеньки не припомню, единственно надо быть, что въ васъ, маменька.

Матрена. Ахъ, жуликъ московскій!

Антипъ. А живутъ тамъ, на новыхъ мѣстахъ, иные изъ нашихъ ребята, хорошо живутъ!

Матрена. Брехи вы, брехи. Какъ вы до тѣхъ мѣстъ дойдете? Пашпорта у васъ гдѣ?

Конста. И безъ пашпортовъ, маменька, люди живутъ.

Антипъ. На новыхъ мѣстахъ пашпортовъ не спрашиваютъ.

Конста. Да и велика ли штука пашпортъ?

Антипъ. Дѣло рукъ человѣческихъ.

Конста. На эту механику у насъ завсегда имѣются знакомые мастера.

Антипъ. Были бы деньги, пашпортъ будетъ.

Матрена. А денегъ нѣтъ, стало быть, весь

разговоръ вашъ пустой, и напрасно вы его затѣяли.

Конста. Денегъ, старые люди сказываютъ, нѣтъ передъ деньгами.

Антипъ. Что намъ деньги? Мы сами деньги!

Матрена. Вздоръ бредишь, Конста! Вздоръ!

Зина. Нѣтъ, не вздоръ!

Антипъ. Эге? слышала?

Конста. Ты, мать, больно засидѣлась на мѣстѣ, зажирѣла на сытыхъ княжескихъ хлѣбахъ; тяжело тебѣ мясами-то своими шевельнуть – вотъ тебѣ и кажется, будто вздоръ. А ты посмотри, каково забористы они, новыя мѣста. Инда барышня наша развеселилась... понравились ей наши рѣчи... Такъ ли я, барышня, говорю?

Зина. Хорошо говоришь!

Матрена. Говорить хорошо, гдѣ-то сядетъ?

Конста. Зачѣмъ садиться? Мы сперва побѣгемъ... побѣгемъ, что ли, барышня?

Зина. Пожалуй, хоть и побѣгемъ.

Матрена. Куда бѣжать? Бѣгаютъ отъ своего дома непутевые, какъ ты вотъ, да Антипка...

Антипъ. А почему ты знаешь, что я непут-

тевый? Я своего пути не терялъ, да и тебя еще на путь наведу.

Матрена. Либо кому жрать нечего.

Антипъ. Кто кормы больше совѣсти почи-таетъ, тому конечное дѣло не бѣчь, а въ курятникъ на лукошкѣ сидѣть, индюшкою, яйца парить.

Матрена. Ужъ и больше совѣсти!

Антипъ. Что воля, что совѣсть, едино оно. Воли нѣтъ совѣсти нѣтъ. Воля цвѣтокъ, а совѣсть ягодка. Въ вольномъ человѣкѣ она вырѣвается, а рабу зачѣмъ совѣсть? Эхъ, тет-ка! Даромъ, что соколеною смотришь, – индюшка ты! И какъ это, и откуда ты такого ор-ла высидѣла?

Конста. Что? Видите: не вралъ я вамъ ста-рикъ пряткѣй... Онъ не то, что меня, – Зинаи-ду Александровну въ бѣга собьетъ!..

Матрена. А ты ври, да не завирайся. Зи-нушкѣ бѣчь некуда. Зинушка – у себя дома: барышня, княжна.

Зина. Много я отъ того радости вижу?

Матрена. Не все же черные деньки, взой-детъ и красное солнышко.

Зина. До тѣхъ поръ роса очи выѣстъ!

Конста. Ухъ!

Матрена. Куда вы? Непутевые!

Конста. Покамѣстъ хоть до павильона на перегонки, кто скорѣе...

Зина. А тамъ какъ Богъ дастъ!

Конста. Побѣгемъ?

Зина. Побѣгемъ!

Матрена. Съ цѣпи сорвались. Какъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Антипъ. Хе-хе-хе. Молоденькимъ бѣгать, старенькимъ смотрѣть. Хе-хе-хе...

Занавѣсъ.

Дѣйствіе II

По-екатерининскому роскошный, двухсвѣтный залъ съ бѣлою колоннадою въ глубинѣ. За колоннадою огромныя и широчайшія окна и стеклянныя двери на террасу, за которою зеленѣетъ садъ. Мебель тяжелая, старинная, штофная. На стѣнахъ фамильные портреты. Выдается портретъ отца князя Александра Юрьевича Радунскаго, князя Юрія Романовича молодого генерала въ александровской формѣ. Всѣ стоятъ, ходятъ. Никто не сидитъ. У первой отъ зрителей колонны Ковчеговъ пожилой, бритый, съ орде-номъ на шеѣ – и Вихровъ, молодой, съ наружностью скорѣе художника, чѣмъ чиновника.

Ковчеговъ. Понимаю я васъ, молодой человѣкъ, очень хорошо понимаю.

Вихровъ. Нѣтъ, не понимаете. Если бы понимали, дѣло дали бы, не заставляли бы изнывать въ бездѣйствіи.

Ковчеговъ. Мало ли вамъ дѣлъ поручается? Возами къ вамъ изъ присутствія посылаемъ.

Вихровъ. Это расколъ-то душить? Въ казенныхъ потравахъ и порубкахъ разбираться? Благодарю покорнѣйше. Отъ этихъ шпіонскихъ дѣлъ душа протухнетъ...

Ковчеговъ. Лучшихъ нѣтусь.

Вихровъ. Есть! Только не шевелите вы ихъ...

Ковчеговъ. Эхъ, молодой человѣкъ!

Вихровъ. Вотъ, позвольте мнѣ приняться вплотную за хозяина здѣшняго: это дѣло!

Ковчеговъ. Нѣтъ, молодой человѣкъ, это вы оставьте. Чортушку трогать нельзя.

Вихровъ. Отчего?

Ковчеговъ. Оттого, что нельзя.

Вихровъ. Помилуйте, что за птица особенная князь Радунскій? У царя онъ въ давней и полной немилости, знакомые и родные отъ него отреклись, связи онъ растерялъ... И, все-таки, мы стоимъ предъ нимъ въ безсиліи, а онъ въ усъ никому не дуетъ и своеволить по уѣзду, какъ киргизъ-кайсакъ.

Ковчеговъ. Молодой человѣкъ, отвѣчу вамъ татарскою пословицею: «нѣтъ острѣй зубовъ одинокаго волка». Радунскій онъ, сударь мой! Радунскій!

Вихровъ. Ну?

Ковчеговъ. Только и всего. больше никакого страха не требуется. Радунскій – значить, берегись! Порода змѣиная.

Вихровъ. Не понимаю, что вреднаго онъ можетъ намъ сдѣлать?

Ковчеговъ. Все!.. Рѣшительно всего отъ него должно ожидать... Онъ въ прадѣда своего, говорятъ, въ князя Романа, а прадѣдъ этотъ, молодой человѣкъ, костромскаго воеводу высѣкъ.

Вихровъ. Мало ли, что было при царѣ, Горохъ!

Ковчеговъ. И вовсе не при Горохъ, а императрица Екатерина правила.

Вихровъ. Вы ужъ не боитесь ли, что внучекъ насъ съ вами высѣчетъ?

Ковчеговъ. Высѣчь не высѣчетъ, а... Данѣтъ-съ! И высѣчетъ!

Князь (*проходитъ между гостей, сопровождаемый Хлопоничемъ и исправникомъ, который вѣтятся, такъ сказать, у его локтя*). На что ты нуженъ? За что тебя Россія хлѣбомъ кормить?

Исправникъ. Ахъ, ваше сіятельство, неро-

венъ часъ, пригодимся и мы. Маленькая мышка, въ басни сочинителя господина Крылова, перегрызла тенета царя лѣсовъ-съ.

Князь. Это ты говоришь напрасно. Я тобою не брезгаю. Я никѣмъ не брезгаю. Всѣ люди одинаковы и всѣ дрянъ. Только не вижу надобности въ тебѣ, зачѣмъ ты существуешь.

Исправникъ. А для порядка-съ?

Князь. Во всей губерніи только и есть хорошій порядокъ, что у меня въ Волкоярѣ. Именно потому, что я вашей братьѣ, чинушамъ, у себя хозяйничать не позволяю. Нѣтъ большей ненависти, чѣмъ народъ питаетъ къ подъячему семени, къ подлой волокитѣ вашей. Стало-быть, стоитъ только не пускать вашего брата на свой порогъ, тогда и порядокъ найдешь, и въ уваженіи будешь, и во всемъ съ мужикомъ безобидно поладишь... А не поладимъ – самъ сокрушу, къ тебѣ кланяться за помощью не пойду. Мои люди! Я имъ и отецъ, и баринъ, и царь, и богъ. А ты – которая спица въ колесницѣ? Брось! Такъ-то, господинъ исправникъ. А къ столу прошу. Подѣламъ, объѣзжай Волкояръ за версту до околицы, а къ столу прошу.

Проходить.

Исправникъ. Слышали-съ?

Вихровъ. Слышалъ и удивляюсь вамъ.

Исправникъ. Чортушка-съ! Вамъ, какъ новому у насъ человѣку, конечно, дико, а мы притерпѣлись.

Вихровъ. Значить, часто эти надругательства приходится глотать?

Исправникъ. Каждый разъ, что въ Волкоярѣ.

Вихровъ. Зачѣмъ же вы здѣсь бываете?

Князь (*проходитъ – окончательно не въ духъ*). Не до гостей мнѣ, Хлопоничъ. Не по себѣ...

Исправникъ (*Вихрову*). Затѣмъ-съ, что столъ французскій очень люблю. Хорошо кормить-съ. Въ нашей глуши только и поѣсть сладко, что у Радунскаго. Девять поваровъ засѣчетъ, а десятаго артистомъ своего дѣла сдѣлаетъ...

Князь. Лаврентій. Ужина громко не объявляй. Проси всѣхъ къ столу приватно.

Ковчegovъ (*Вихрову, про исправника*).

Вреть! За оброками ъздить. Оброкъ ему тамъ у Муфтеля въ конторѣ приготовленъ... въ пакетъ... особенный.

Исправникъ. Ужъ и оброкъ! Ужъ и въ пакетъ особенномъ! Ахъ, Кузьма Кузьмичъ!

Ковчеговъ. Ну, и для выборовъ князь важенъ... Что велить, то дворяне и сдѣлаютъ.

Исправникъ. Для выборовъ князь важенъ.

Вихровъ. Ахъ, господа, господа! Тошнить отъ васъ...

Исправникъ. Однако-съ...

Ковчеговъ. Понимаю васъ, Павелъ Михайловичъ, все понимаю-съ... Самъ не такъ давно былъ молодъ... не все забылъ еще... Да вѣдь что же-съ? Съ волками жить, по-волчьи выть...

Князь (*который мимоходомъ прислушался къ разговору*). Господинъ Вихровъ.

Вихровъ (*идетъ съ неудовольствіемъ*). Зоветь, какъ герцога какой-нибудь владѣтельный.

Князь. Господинъ Вихровъ. Прошу васъ замѣнить меня на хозяйскомъ мѣстѣ. Я, по нездоровью, не могу присутствовать за ужиномъ.

Вихровъ. Мнѣ странно, князь... И неловко... Почему же я? Я здѣсь чужой человѣкъ, никого не знаю... И вы меня не знаете.

Князь. Именно потому, что не знаю, и прошу замѣнить меня. Изъ тѣхъ, кого я знаю, этой чести никому предложить не могу. А вы покуда кажетесь мнѣ человѣкомъ порядочнымъ.

Вихровъ. Мнѣ, право, неудобно, князь. Здѣсь столько людей, старшихъ меня и положеніемъ, и годами. Всѣ обидятся. Я слишкомъ молодъ и чинъ на себѣ малый имѣю.

Князь. Когда на васъ будетъ большой чинъ, вы не будете молоды. Молодость пройдетъ, а съ нею вмѣстѣ; такъ часто проходитъ и порядочность. Сейчасъ вы мнѣ нравитесь, я хочу васъ уважать. А почему знать, будете ли вы стоять уваженія лѣтъ черезъ пятнадцать, когда у васъ будетъ и тамъ... и здѣсь...

Показываетъ на, шею и лѣвый бортъ фрака.

А, можетъ быть, даже и этакое...

Показываетъ какъ-бы ленту черезъ плечо.

Вихровъ. У васъ въ домъ нашъ маршалъ, предводитель дворянства.

Князь (*съ злобнѣйшею насмѣшкою*). Неужели?! Проходить.

Вихровъ. Конечно, это честь, но, ей Богу, она похожа на оскорбленіе.

Ковчegovъ. У него всегда такъ. Не спорьте.

Исправникъ. Помилуйте! Ничего! Вы примите для вида, а въ столовой мы уже сами распорядимся.

Ковчegovъ. Провѣрять не пойдетъ.

Вихровъ. Развѣ что такъ?

Ковчegovъ. Во главу стола, конечно, предводителя посадимъ... Ваше превосходительство! На два слова...

Взялъ предводителя подъ руку, и оба, скрылись за колоннами.

Исправникъ. А спорить съ нимъ бесполезно-сь. Да еще вы его споромъ раздражите, а онъ на насъ вымѣститъ.

Вихровъ. Безъ ужина, что ли, оставить?

Исправникъ. Хуже-съ: постными щами накормить... арестантскою баландою... въ пустаышкѣ-съ.

Вихровъ. Чортъ знаетъ, что.

Исправникъ. А, что онъ вамъ хозяйничать предлагалъ, – это ничего-съ, это никому не въ обиду. Вы, все-таки, нашъ братъ, человѣкъ благородный, а вѣдь онъ могъ и эту свинью, своего прихвостня Хлопонича, посадить...

Уходятъ. Сцена пустѣетъ. Князь, прислонясь къ колоннѣ, сухо откланивается послѣднимъ уходящимъ. При немъ остается Хлопоничъ. Муфтель, вытянувшись, стоитъ въ глубинѣ, за колоннами, у входа на террасу.

Князь (*тяжело идетъ*). Княгиню я видѣлъ сегодня, Хлопоничъ, Матрену Даниловну.

Хлопоничъ. Съ нами крестная сила, ваше сіятельство? Можетъ ли быть-съ? Какъ же это? Гдѣ?

Князь. Разумѣется, во снѣ. Садится въ кресла на лѣвой сторонѣ.

Хлопоничъ. Во снѣ? Это, ваше сіятельство, ничего: покойника видѣть къ перемѣнѣ пого-

ды.

Князь. Ужъ очень нехорошо видѣлъ. Пришла, голая, желтая, обрюзглая... Ходить кругомъ, смѣется и пальцемъ грозить... «Отольются, говоритъ, волку овечьи слезы».

Хлопонищъ. Панихиду отслужить надобно, ваше сіятельство.

Князь. Дуракъ. Хлопонищъ. Какъ прикажете, ваше сіятельство.

Князь. Муфтель!

Муфтель (*выросъ какъ изъ подъ земли*). Здѣсь.

Князь. Цереру эту мраморную... которая съ княгини дѣлана... ты изъ сада... убери.

Муфтель. Слушаю, ваше сіятельство.

Князь. Чему обрадовался?

Муфтель. Народу спокойнѣе будетъ, ваше сіятельство.

Князь. Какое же народу было безпокойство... отъ Цереры?

Муфтель. Глупые люди, ваше сіятельство. Боялись ея очень.

Князь. Боялись?

Муфтель. Пустили молву, выдумали, будто она ходитъ по ночамъ.

Князь. Ходить?

Хлопонищъ. Необразование!

Муфтель. Руки ломаетъ, стонетъ, плачетъ...

Князь. Кто слышалъ?

Муфтель. Какъ можно, чтобы слышать, ваше сіятельство? Одна пустая молва.

Князь. Да-а-а...

Хлопонищъ. Охота вамъ, Карлъ Богдановичъ, князя беспокоить?

Муфтель. Прошу меня не учить. Я свои обязанности знаю. Если господинъ меня спрашиваетъ, мое дѣло отвѣчать.

Князь. Не суйся не въ свое дѣло, Хлопонищъ... Вотъ что Муфтель: тоже тамъ въ картинной галлерей... Леду эту... знаешь?

Муфтель. Голую? съ лебедемъ?

Князь. О чортъ! Описываетъ еще!.. Княгининъ портретъ!

Муфтель. Слушаю-съ.

Князь. Тоже убери... Подальше.

Муфтель. Въ оранжерею можно помѣстить.

Уходитъ.

Князь. Подлецъ я выхожу передъ нею... Какая ни дура, все жена была... А я ее Ледами да Церерами заставлялъ позировать предъ художниками... на позоръ людямъ тѣло ее выставлялъ... хвастался, что хороша!.. Подлецъ!.. Охъ, Хлопоничъ! Хлопоничъ! Какая жизнь! Темная, скверная моя жизнь...

Хлопоничъ трясется.

Смолоду и до сѣдыхъ волосъ хоть бы день свѣтлый!.. Мать варварка... Отецъ... Дьяволъ былъ у меня отецъ, Хлопоничъ!.. ненавидѣли мы съ нимъ другъ друга! Замучить онъ меня хотѣлъ: на Кавказъ подъ пули упряталъ... изъ гвардіи, Хлопоничъ! Я на флигель-адъютанской дорогѣ былъ, а онъ меня – на убой, къ черкесамъ... Если бы императоръ Александръ Павловичъ не вступился, я бы отъ родителя моего нищимъ остался... Что ты трясешься?

Хлопоничъ. Я, ваше сіятельство, ничего.

Князь. Хорошо «ничего»... рожа алебастровая!

Хлопоничъ. Простите, ваше сіятельство, я

этого равнодушно не могу...

Князь. Чего ты не можешь?

Хлопони́чъ. Вы лучше на меня ножками топайте... А, когда вы такъ откровенно... про родителя... и себя словами обзываете... не могу!.. Удрученъ! Подавленъ!

Князь. Что значить «подавленъ»?

Хлопони́чъ. Страхомъ ничтожества моего!

Князь. Боишься, что потомъ разгнѣваюсь, зачѣмъ предъ тобою каялся?

Хлопони́чъ. Хи-хи-хи! И это ваше сіятельство! И это!.. А главное, что я ужъ та- кой – про большое слышать не могу... робкій.

Князь. Маленькая душонка видитъ обна- женное страданіе большой души – и трепе- щеть. А, впрочемъ, кто это рѣшилъ, что у ме- ня большая душа? Можетъ быть, души-то еще и вовсе нѣтъ!.. Вотъ тебѣ и штука!..

Схватился за голову.

Господи! И слова-то въ тоски обменить не съ кѣмъ!.. Холопы!

Крики за сценою. Ура-а-а-а!

Князь. Что такое?

Хлопоничъ. Гости пьютъ за здоровье вашего сіятельства.

Входитъ Вихровъ, за нимъ офиціантъ, съ бокалами на подносъ.

Вихровъ. Ваше сіятельство, общество пирующихъ гостей вашихъ поручило мнѣ выразить вашему сіятельству сердечнѣйшія къ вамъ чувства и пожеланія благъ.

Князь. Благодарю васъ, господинъ Вихровъ. Желалъ бы, чтобы слова ваши были хоть сколько-нибудь искренни. Присядьте. Не люблю, когда стоятъ. Я съ вами стаканъ выпью... охотно. Вы образованный человѣкъ... Это хорошо. Я люблю образованныхъ людей. Я когда-то самъ былъ образованнымъ человѣкомъ!.. давно! Байрона по-аглицки читалъ. Во франмасонской ложѣ молоткомъ стучалъ. Съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ былъ пріятель. Да-съ! Теперь вотъ съ Хлопоничемъ пріятель, а былъ съ Пушкинымъ.

Хлопоничъ. Хи-хи-хи! Смѣю ли я мечтать, ваше сіятельство? Въ веселомъ расположеніи духа изволите быть. Шутите-съ.

Князь. Онъ хорошо писалъ стихи, Пушкинъ...

Декламируетъ.

*Вхожу въ отдаленный покой я одинъ,
Неверную диву лобзалъ армянинъ.*

Вихровъ. Пушкинъ кое-что и получше этого написалъ, ваше сіятельство.

Князь. Да? Можетъ быть... не знаю... Все равно... Ваше здоровье, господинъ Вихровъ.

Пьетъ.

Вихровъ. Ваше здоровье, князь. Живите много лѣтъ на благо общее.

Князь (улыбается). На благо общее приказываете жить? Какое же отъ меня, господинъ Вихровъ, и кому можетъ быть благо?

Вихровъ. Князь...

Князь. Кому желаете? Чортушкѣ желаете! Вы знаете, какъ меня по губерніи зовутъ? Чортушкой. Скажете: не слыхали?

Вихровъ. Нѣтъ, слыхалъ...

Князь. Стало быть, вы, господинъ Вихровъ, меня Чортушкою не находите?

Вихровъ. Князь...

Князь. Вы прямо. Я, когда съ умными людьми, не обидчивъ.

Вихровъ молчитъ.

Князь (какъ бы даже съ удовольствіемъ). Ага! То-то!.. Люди правду говорятъ... Я самъ пуще всѣхъ себя Чортушкой почитаю... Видали фигуру?

Показываетъ на портретъ отца и самъ впивается въ него ненавистнымъ взглядомъ.

Вихровъ. Красавецъ какой!

Хлопонищъ. Родитель ихній...

Князь. Я звѣрь, я Чортушка, но-кто меня сдѣлалъ такимъ? Ты, извергъ, ты!..

Хлопонищъ. Всегда это у нихъ, когда въ меланхоліи: передъ портретомъ князя Юрія часами стоятъ и кулаками имъ грозятся.

Князь. У меня сынъ есть, господинъ Вихровъ. Единственное мое утѣшеніе, что у меня есть сынъ.

Вихровъ. И прекраснѣйшій мальчикъ. Мы подружались. Рѣзвый, умненькій, чувствительный...

Князь. Благодарю васъ... Я изъ него хорошаго человѣка сдѣлаю, господинъ Вихровъ.

Вихровъ. Не сомнѣваюсь.

Князь. Воспитаю его чистымъ, какъ стеклышко. Онъ сниметъ съ меня всѣ пятна. Онъ долженъ сдѣлать для нашей фамиліи все, на что я оказался безсиленъ, по злосчастной, отравленной натурѣ моей, по воспитанію подлому и по суровому ожесточенію моей молодости. Пусть онъ будетъ и уменъ, и образованъ, и великодушенъ, добрый слуга своей родинѣ. Пусть онъ воскреситъ Радунскихъ для исторіи.

Вихровъ. Прекрасныя слова, князь! Прекрасныя чувства!

Хлопоничъ. Ура!

Князь. Тогда и меня помянутъ люди не зломъ моимъ, но добромъ моего сына: спасибо скажутъ, что я родилъ и воспиталъ такого хорошаго, не загубилъ его, какъ меня загубилъ мой старикъ...

Крики за сценою. Ура-а-а-а!

Князь (взбѣсился). Хлопоничь! Прикажи этимъ скотамъ, чтобы молчали.

Вихровъ. Князь! Тамъ ваши гости...

Князь. Ну-съ?

Вихровъ. Удостоившіе меня выбрать своимъ депутатомъ...

Князь. Ну-съ?

Вихровъ. Думать о нихъ вы вольны, какъ вамъ угодно, но вслухъ я просилъ бы васъ лучше выбирать ваши выраженія.

Князь. Зачѣмъ?

Вихровъ. Одинъ изъ этихъ «скотовъ» предъ вами.

Князь. Такъ что же?

Вихровъ. Да, если такъ, конечно, ничего... (Муфтелю). Милѣйшій, прикажите, чтобы подали моихъ лошадей...

Муфтель. Ваше сіятельство?

Князь (очень любезно). Ночь безъ луны и темно. Вы желаете ѣхать ночью?

Вихровъ. Ночью-съ.

Князь. Не имѣю причинъ задерживать. Муфтель, проводи.

Вихровъ. Имѣю честь кланяться...

Уходитьъ.

Князь. Дуракъ какой: вздумалъ мнѣ замѣчанія дѣлать. Щенокъ.

Хлопонищъ. Растетъ, сударь, дерзость человѣческая.

Князь. Вотъ они, голубчики: побалуй ихъ въ ровняхъ, уже и зазнался.

Хлопонищъ. Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ.

Князь. А ты молчи! Не тебѣ судить... Онъ порядочный человѣкъ, а въ тебя природа всунула, вмѣсто души, поношенную ливрею. (Къ возвратившемуся Муфтелю). Отольются волку овечьи слезки... Страшно, Муфтель, нехорошо. Страшно!

Муфтель. Всѣ въ рукъ Божіей ходимъ, ваше сіятельство.

Князь. Но говори такъ! Страшно впасть въ руки Бога живаго.

Муфтель. Осмѣливаюсь спросить ваше сіятельство: столъ для сеанса прикажете готовить?

Князь. Сеансъ?.. Да, сеансъ будетъ... Я хочу сеанса... Зови этихъ... Олімпіаду и Серафи-

му... какъ ихъ тамъ?

Муфтель. Слушаю, ваше сіятельство. Онъ тутъ. За колоннами сидятъ, приказа ожидаютъ.

Князь. Да, сеансъ мнѣ нуженъ, нуженъ сеансъ... Я, Муфтель, съ нею говорить буду, съ княгинею... Пусть она мнѣ объяснить... Я прямо спрошу – по-солдатски: чѣмъ она мнѣ грозила? Какимъ страхомъ долженъ быть отравленъ конецъ моей жизни?

Муфтель. Напрямикъ, по-солдатски, ваше сіятельство, чего же лучше?

Князь. Я спрошу... спрошу... Отчего моя погибель? Спрошу.

Погружается въ глубокую задумчивость. Олимпіада и Серафима вошли.

Муфтель (*тихо*). Дѣвки! На совѣсть вамъ говорю: врите князю, что хотите, только веселое. Въ немъ черная меланхолія расходилась, давно такимъ не помню: самъ на себя не похожъ.

Хлопоничь. Дѣвушки! помните: я съ вами по чести... Сережки отдалъ, бархатъ на пла-

тъе отдалъ, сто рублей отдалъ...

Олимпіада. Не безпокойтесь: имѣемъ свою совѣсть...

Серафима. Очень хорошо знаю: въ первую очередь, какъ князь бумажку съ вопросомъ подъ шандаль положить...

Олимпіада. Ужъ будьте благонадежны: сколько ни спросить, на все одинъ отвѣтъ, взять!

Серафима. Взять! взять! взять!

Князь (очнулся, увидалъ Хлопоница съ Олимпіадою и Серафимою). Ты что здѣсь? Мнѣ лишнихъ не надо.

Хлопоничъ. Ваше сіятельство, извините великодушно. Осмѣлился замешкаться... Ожидалъ, пока изволите изъ задумчивости выйти, чтобы напомнить: не забыли ли о дѣльцѣ моемъ?

Князь (идетъ къ столу для спиритическаго сеанса). Помню, братецъ... Спрошу.

Хлопоничъ. Въ первую очередь общались, милостивецъ?

Князь. Въ первую, въ первую...

Хлопоничъ. Въ самую первую, ваше сіятельство?

Князь. Въ первую... сказано!

Хлопониць. Чувствительнѣйше благодарю.

Хлопониць уходитъ, подмигивая дѣвкамъ, и изъ-за колонны показываетъ имъ указательный палець, какъ цифру одинъ.

Князь подозрительно глядитъ на дѣвокъ. Анъ врешь. Не въ первую. Вы, можетъ быть, перешептались тутъ... Не до деревенекъ мнѣ. Сперва судьбу свою узнать, а потомъ уже мірскія дѣла... Вслухъ: Садитесь вы. О, Господи! Господи! Господи!.. Садитесь! сколько разъ повторять? Муфтель! Притуши свѣчи...

Муфтель гаситъ свѣчи всюду, кромѣ верхней люстры и канделябра въ глубинѣ сцены у колоннады, и, по знаку князя, ставитъ предъ нимъ на столъ тяжелый, высокій шандаль. Тишина. Олимпіада притворяется спящей.

Князь. Спитъ?

Серафима. Завела глазки.

Пауза. Тишина.

Князь. Готово?

Серафима. Какъ мертвая.

Князь. Княгиня Матрена Даниловна! Если добрый и кротки духъ твой витаетъ въ земной сферѣ, если справедливый гнѣвъ твой пересталъ горѣть противъ меня, окаяннаго, то удостой подать знакъ, что ты слышишь меня и согласна отвѣчать мнѣ...

Пауза. Сильный таинственный ударъ, точно ударъ кости о кость.

Князь. А-а-а-а... Княгиня Матрена Даниловна! Это вы?

Ударъ.

Князь. Не вѣрю... Можетъ быть, шаловливый духъ издѣвается... Шутка. Недоразумѣніе... (*Серафимъ*). Ты спроси.

Серафима. Я-съ?

Князь. Ты, ты...

Серафима (*вскочила*). Ваше сіятельство, княгиня Матрена Даниловна, это изволите

быть вы-съ?

Князь. Зачѣмъ ты встала? Все испортила! Какъ ты смѣла встать?

Серафима. Какъ же я смѣю сидѣть предъ княгинею? Онѣ госпожа наша.

Князь. Дура! все испортила.

(Садится.)

Серафима. Они отвѣтятъ. Ничего-съ. Все равно-съ. Онѣ отвѣтятъ.

(Три удара.)

Князь. Да... да... да...

(Ударяешь кулакомъ по столу.)

Вѣрю... Нельзя сомнѣваться. Все подтверждено. Вѣрю! Матрена Даниловна! Дозволишь ли ты спросить тебя? Очень нуждаюсь въ совѣтъ твоемъ. Отвѣтишь ли на вопросъ, который я пишу!

Пишетъ. Ударъ.

Да? А-а-а-а... Какимъ знакомъ отвѣтишь ты мнѣ?

Удары быстро сыплются, какъ дробь.

Серафима. Духъ требуетъ азбучку-съ... и музыку...

Князь. Муфтель! Заведи органъ...

Серафима. Посмотрите, какая піеса, Карлъ Богдановичъ, а то прошлый разъ запустили: «Крамбамбули», духъ принялъ за насмѣшку и отлетѣлъ съ неудовольствіемъ.

Муфтель (*смотритъ валы*). «Какъ мать убили» изъ оперы «Жизнь за Царя», сочиненіе Глинки.

Князь (*вздвогнувъ*). Мать... Убили?.. Что ты нарочно выбралъ?

Муфтель. Никакъ нѣтъ. Слѣдующій номеръ по реестру. Прикажете перемѣнить?

Князь. Не надо... Какое совпаденіе!.. Да, вѣрю, Матрена! Ты здѣсь... Это – ея упрекъ... жалуется... намекаетъ... Ну, виновать! каюсь! виновать!

Духъ стучитъ неровно и будто сердито.

Серафима. Гнѣваются; что заставляете ихъ ждать.

Князь. Сейчасъ, сейчасъ... Подожди, Матреша.

Органъ играетъ: «Какъ матъ убили», князь прячетъ свою записку подъ шандаль и берется за азбучку.

Князь. Матрена Даниловна, удостой: я жду отвѣта...

Органъ играетъ. Спиритическіе удары выколачиваютъ сперва тактъ, потомъ синкопы къ мелодіи. Князь слѣдитъ по азбукѣ.

Князь. Земля... я... твердо... ерь...

Стуки прекращаются.

Ну? Дальше? Ну?

Духъ молчитъ.

Больше ничего?.. Земля... я... твердо... ерь... Зять?.. Гмъ!.. Зять?

Въ недоумѣніи третъ себѣ лобъ, потомъ приподнимается, съ широко открытыми глазами.

Постой... постой... А-а-а? Вотъ оно что? Понимаю!.. Вотъ оно съ какой стороны?... Такъ, такъ!..

Громко, твердо и очень почтительно.

Княгиня Матрена Даниловна! Благодарю тебя, матушка. Такъ какъ вопросъ мой важный и великая судьба имъ рѣшается, снизойди къ просьбѣ моей: повтори, что сказано, еще разъ...

Прежніе стуки. Князь слѣдитъ по азбукѣ.

Земля... я... твердо... ерь... Зять!.. Никакого сомнѣнія!.. Вѣрю!.. Такъ и должно быть! Оттуда на меня смертнымъ духомъ вѣть... Такъ я

же...

Вскочилъ и бѣшено кричитъ.

Еще повтори, слаженная душа! Спасеніемъ твоимъ заклинаю: еще!..

Прежніе стуки. Князь слушаетъ, весь трясется.

Земля... я... твердо... ерь... Зять!.. Такъ врешь же! Не бывать у меня зятю!.. Не дамся погубителямъ!.. не бывать!

Рветъ записку. Музыка затихла, Олимпіада потягивается, открываетъ глаза, тупо озирается.

Серафима. Олимпіада проснулась... Княгиня изволили отлетѣть-съ...

Князь. Врешь! врешь!.. Не дамся!.. Не бывать! Муфтель! Матрену Слобожанку ко мнѣ! Живо!..

Муфтель бѣжитъ..

Хлопониць (*просунулся изъ-за колонны ему навстрѣчу*). Кончился сіянсь?

Муфтель. Входите, можно.

Убѣгаетъ.

Хлопониць. Душа не терпитъ...

Князь. Земля... я... твердо... ерь...

Хлопониць. Съ благодатью васъ, благодѣтель мой, съ великою благодатью! Удостоившись загробныхъ вѣстей!

Князь. А?

Хлопониць. Благодѣтель! Сердце горитъ! Осчастливьте вѣрнаго слугу: какъ изволила княгиня изъяснить волю насчетъ моей деревеньки?

Князь. Какой деревеньки?.. что такое деревенька?

Хлопониць. Симбирская-съ... Выразили милостивое желаніе пріобрѣсти...

Князь. Какъ ты смѣлъ, старый болванъ, войти ко мнѣ безъ доклада? Звалъ я тебя? а? звалъ?

Хлопониць. Ваше сіятельство... Ваше

сіятельство...

Князь. Съ деревенькою лѣзешь?.. Да гори она, твоя деревенька!.. Тутъ жизнь моя рѣшается, а ты съ деревенькой? Вонъ!

Хлопониць. Милостивецъ... Я ничего... милостивецъ.

Князь. Вонъ!

Въ бѣшенствѣ уходитъ.

Хлопониць. Дѣвки! Дѣвки! Что вы, мерзавки, съ моею головою сдѣлали?

Олимпіада. Я не знаю, Андрей Пафнутьевичъ: все, что сулили, исполнили въ аккуратъ.

Серафима. Не вѣсть, съ чего взбѣленился!

Олимпіада. Словно его чортъ хвостомъ въ глазъ хлестнулъ.

Серафима. Никогда его такимъ не видывали.

Хлопониць. Пропало мое дѣло!..

Олимпіада. Не горюйте: утро вечера мудренѣе.

Серафима. Князь вѣдь грозенъ да отходчивъ.

Олимпіада. Ужъ мы будемъ стараться.

Серафима. Взялись за дѣло, такъ сдѣлаемъ.

Хлопониъ. Не вѣрю. Одно осталось: пойду Муфтелю въ ноги кланяться... Можетъ быть, онъ какъ-нибудь вокругъ пальца обвертитъ.

Уходитъ.

Олимпіада. Какую тамашу устроилъ.

Серафима. А ты зачѣмъ «вѣди» пропустила?

Олимпіада. Забыла, которою буквою въ азбучки стоитъ.

Серафима. За что онъ на Хлопониъ ошестинился?

Олимпіада. А песъ ихъ разберетъ?

Серафима. Можетъ, онъ не про Хлопониъ спрашивалъ?

Олимпіада. Можетъ!

Князь (*выходитъ въ халатѣ съ канделябромъ въ рукѣ, тихо мрачный*). Что вы тутъ? Идите себѣ...

Олимпиада и Серафима скрываются.

На террасѣ появляются Матрена и Зина. Последняя – невидимо для князя – остается за колоннами. Матрена входит.

КНЯЗЬ (въ глубокой задумчивости). Опять эта дѣвчонка. Всюду и всегда она у меня на дорогѣ! Даже самая погибель моя черезъ нее! А люди удивляются, что я ея не люблю! Наши натуры противны между собою. Она съ тѣмъ и родилась, чтобы уморить меня... Вреть! Перехитрю!.. Судьба грозить?... дудки! Я съ отцомъ воевалъ, офицерство цѣлаго полка однажды на дуэль вызвалъ, съ двумя царями спорилъ а съ дѣвчонкою не совладаю? Чушь!

Матрена вошла, стала передъ княземъ, отвѣсила низкій поклонъ.

КНЯЗЬ. Нѣмка эта... которая... при... княжнѣ... все больна?

Матрена. Совсѣмъ обезножила. Конечъ горемычной. Не встанеть.

КНЯЗЬ. Стало быть, Зинаида вся на твоихъ рукахъ?

Матрена. Я призираю. Кому же?

Князь. Оно и лучше. Я тебѣ вѣрю. Всегда вѣрилъ. Ты знаешь?

Матрена. Облагодѣтельствована вашимъ сіятельствомъ выше мѣры.

Князь. Смотри за нею. Хорошенько смотри.

Матрена. И то смотрю.

Князь. Густавсонша эта, если и выздоровѣтъ, не годится. Никогда не годилась. Стара и добра слишкомъ. Дѣвченка забрала ее въ руки, командуетъ ею: дикою козою выросла. Мнѣ нуженъ настоящій при-смотри за Зинаидою, ежовыя рукавицы... Поняла?

Матрена. Я, батюшка ваше сіятельство, ей не спускаю, а что характеръ у нея бѣдовый, такъ въ томъ совладать нѣтъ моей возможности. Покуда махонькая была, страхъ имѣла. А большой дѣвкѣ, невѣстѣ, подзатыльника не дашь. Сама сдачи отпустить.

Князь (съ судорогою). Невѣстѣ?

Матрена. Старики сказываютъ: наказуй дитя, пока поперекъ лавки ложится; когда дите вдоль лавки еле уложишь, наказывать

поздно.

Князь. Мнѣ не надо, чтобы ты Зинаиду на-
казывала, а надо, чтобы ты ее стерегла.

Матрена. Ужъ и не знаю, какъ еще сте-
речь? Кажется, стараюсь, не спускаю съ глазъ.

Князь. А вотъ какъ: была ты нянькою, тю-
ремщицею будь.

Матрена. Господи, помилуй!

Князь. Я твердо рѣшилъ: замужемъ Зина-
идѣ не бывать. Хочу, чтобы въ монастырь
шла, нашего рода грѣхи замаливать.

Матрена. Нонче, говорятъ, нельзя этого,
чтобы насильно...

Князь. И не хочу, чтобы насильно. Пусть
добровольно идетъ.

Матрена. Ой! что-й-то вы? Добровольно? У
нея мысли не тѣ.

Князь. А какія же у нея мысли?

Матрена. Извѣстно, какія бываютъ у
дѣвушекъ.

Князь. О женихахъ мечтаетъ?

Матрена. Ну, что ужъ...

Князь. Жениховъ для нея по нашему краю
нѣтъ.

Подступаетъ къ ней.

Ты ей внуши! внуши!

Матрена. Слушаю, батюшка... А молоденькихъ, до тридцати лѣтъ, сказываютъ, ваше сіятельство, и не постригаютъ будто закона на то нѣтъ?

Князь. Знаю. Кабы не это, я бы ее въ монастырь воспиталъ, а не въ Волкоярѣ. Глаза намозолила.

Матрена. На житье отдать, – княжну каждый монастырь съ радостью приметъ.

Князь. А она изъ монастыря-то убѣжить, и замужъ выскочить? Спасибо... Нѣтъ, мы лучше своимъ глазомъ досмотримъ...

Матрена. Какъ прикажете. Оно конечно: свой глазокъ смотрокъ.

Князь. Только прозѣвай, ее украдутъ, уведомъ уведутъ... Собою недурна... Сосѣдницы, жадные... Небось, такъ и шнырятъ вокругъ флигеля-то? А?

Матрена. Кому шнырять? Мы, батюшка, какъ въ пустынь, живемъ. Никого не видимъ... Антипъ – банщикъ, да Конста садовникъ, сынокъ мой, – только подлѣ насъ и лю-

дей...

Князь. Старикъ дряхлый и мальчишка! Хороши сторожа!

Матрена. Силы у нихъ малыя. Отъ лихого человѣка не оберегутъ.

Князь. Я къ павильону вашему Михаилу Давыдка приставлю. Велю ему дозорить. У этого медвѣдя чужакъ черезъ заборъ не шмыгнетъ...

Матрена. Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, на ангельской вашей заботѣ.

Князь. Дура! Себя берегу, не васъ.

Уходитъ.

Матрена. Чувствую, батюшка, да вѣдь на лишнемъ поклонѣ голова не отвалится.

Зина входитъ – блѣлое лицо, съ горящими глазами.

Чортушка ты, Чортушка! Сказано людьми, что Чортушка, такъ онъ самый и есть! (къ Зинѣ). Слышала?

Зина. Нянька, достань мнѣ яду!

Матрена. Сбѣсилась?

Зина. Достань!

Матрена. Зинушка! Зинушка!..

Зина. Уйдемъ отъ него, нянька!

Матрена. Онъ те уйдетъ. Куда?

Зина. Не знаю... Только уйдемъ. Не то большой грѣхъ будетъ... Крысиною смертью... да!

Матрена. Не ори ты, по крайности! Стѣны услышатъ.

Зина. Я ничего, мамушка, ничего...

Матрена. На бѣду свою я тебя послушалась, взяла сюда... Совсѣмъ тебѣ не надо было слышать.

Зина. Въ тюрьму насъ съ тобою, мамушка, посадили, значитъ – ха-ха-ха? И уже на всю жизнь? Ха-ха-ха! Оно вѣрнѣе... Ну, что же, посидимъ... Уйти некуда. Это ты справедливо... Некуда! Всюду достанетъ: улетѣть на коврѣ самолетъ, ворономъ догонить, плотицею въ Унжу юркнуть, щукою схватить. Совѣсти онъ не слышитъ, управы на себя не видитъ... Пойдемъ въ нашу тюрьму, мамушка!

Въ глубинѣ сцены Конста и Антипъ выно-

сятъ огромную картину – Леду съ лебедемъ.

Матрена. Что вы?

Конста. Княгиню въ оранжерею волочемъ.
Велѣно.

Зина. Срамота глядѣть!

Конста. Что съ вами? На обѣихъ лица
нѣтъ... Княжна такая перетревоженная...

Матрена. А! лучше не спрашивай!..

Зина. Оставь, Конста. Словами горя не избыть.

Уходятъ.

Конста (*опѣшилъ*). Такъ...

Антипъ. Хе-хе-хе-хе-хе-хе.

Конста. Что ты?

Антипъ. Хе-хе-хе-хе-хе-хе.

Конста. Чортъ тебя знаетъ, старикъ.
Смѣешься, какъ кикимора.

Антипъ. Хе-хе-хе-хе-хе.

Конста. Который день о тебѣ гадаю; представляешься ты полоумнымъ или впрямь выжилъ изъ ума?

Антипъ. Хе-хе-хе-хе-хе-хе.

Конста. Будеть. Подымай идолицу-то...

Антипъ. Погоди... хе-хе-хе... Погоди, Константинъ... А?..

Конста. Да ты о чемъ?

Антипъ. Все о томъ же, парень. Что же? Только и будетъ твоей удали, что на тары бары, бабьи растабары, или и въ самомъ дѣлѣ побѣжишь?

Конста. Побѣгу, дѣдушка.

Антипъ *(одобрительно закивалъ головою).* Бѣги, парень, бѣги!.. Ты малый золотой. Я, братъ до дурней не охочъ, а тебя полюбилъ, человѣка въ тебѣ вижу, добра тебѣ желаю. Что киснуть въ этомъ погребѣ? Лѣсъ, да болото, да тиранство, – и люди-то всѣ стали, какъ звѣрюги. Въ срамъ и подлости рабской задохлись. Только и радости, что издѣваться другъ надъ другомъ. Сильный слабого пяткою давить. Слабый сильному пятку лижетъ, а самъ змѣей извивается, норовить укусить. Твари! Гнуснецы!.. А тамъ, братъ, степнина... море... орлы въ поднебесьи... Вѣтеръ-то по степи... жжжжи... жжжжжи... Народъ вольный, ласковый, удалой... Ни господъ, ни рабовъ... Все равные, всякъ самъ себѣ владыка...

Конста (съ увлеченіемъ). Побѣгу, дѣдушка.

Антипъ. Одинъ?

Конста. Съ кѣмъ же?

Антипъ (пожевалъ губами и устремилъ на Нонету испытующій взглядъ). Съ барышней-то давно слубился?

Конста. Богъ съ тобою, дѣдушка! Откуда ты взялъ такое?

Антипъ. О? А вѣдь я, глядячи на веселыя шутки ваши, грѣшнымъ дѣломъ, думалъ, что вы въ любви состоите.

Конста. Какъ можно, дѣдушка? Что ты?

Антипъ. А отчего нельзя, дурашка?

Конста. Отчего?

Антипъ. Хе-хе-хе-хе...

Конста. Не думалъ я ни о чемъ такомъ... видитъ Богъ: въ умѣ не бывало...

Антипъ. Хе-хе-хе-хе-хе.

Конста. Однако, какой гвоздь ты теперь мнѣ въ голову вбилъ!..

Антипъ. Хе-хе-хе-хе... Бери идолицу-то, понесемъ.

Конста. Понесемъ... Только я въ своихъ мысляхъ смутился...

Антипъ. Говоришь: нельзя. Отчего нельзя?

Чего человекъ хорошо захотѣлъ, все можно...
О, тяжелая, песь!

Конста. Ты на меня напирай...

Несутъ картину.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе III

Садъ. Справа балконъ павильона, когда-то сизящнаго и кокетливаго, теперь довольно облупленнаго зданія въ стилѣ итальянскаго возрожденія. Слѣва въ глубинѣ сцены полный контраста павильону старая русская баня, съ чернымъ срубомъ и покосившимся крыльцомъ. Между банею и павильономъ развѣсистая яблоня и подъ нею скамья на столбикахъ. Садъ совершенно и давно запущенный. Яркое вечернее заревое освѣщеніе. Матрена Слобожанка стоитъ на балконѣ павильона. Михайло Давыдокъ сидитъ на скамьѣ подъ яблонью, бренчитъ на балалайки и поетъ.

Михайло.

*Какъ на Вологдѣ вино
По три денежки ведро!
Хочь пей, хочь лей,
Хочь окачивайся!
Да поворачивайся!*

Матрена. Загудѣлъ?

Михайло. Гудимъ, Матрена Никитишна, отъ унылой жизни для большей веселости.

Матрена. Не очень заливайся, пѣвунъ.
Князь въ саду бродить съ Муфтелемъ.

Михайло. Провѣряютъ нашего брата: хорошо ли сторожимъ.

Убралъ балалайку въ баню.

Матрена. Ограду-то обошелъ ли, стража вѣрная?

Михайло. Обошелъ.

Матрена. Много нашихъ любовниковъ наловилъ?

Михайло. Ужъ вы хоть бы пожалѣли, Матрена Никитишна, не издавались надъ человекомъ. Развѣ своею волею хожу?... Мое дѣло егерское... мнѣ бы Сибирлетку свистнуть, да съ ружьемъ в лѣсъ закатиться: вотъ какое мое расположеніе...

Матрена. Ты, должно быть, на лѣсъ слово знаешь. Мы всѣ на тебя дивимся: какъ ты недѣлями въ чащѣ живешь и дубравный страхъ терпишь?

Михайло. Вона! Чего?

Матрена. Какъ чего? Звѣрье это... сверчки... тишь... отъ одного лѣшаго, чай, сколько

ужасти наберешься.

Михайло. Что мнѣ лѣшій? Я самъ себѣ лѣшій.

Матрена. И точно никакъ сродни.

Михайло. Я, Матрена Никитишна, человекъ смирный, ѣмъ, что дадутъ, разнословъ не спрашиваю, вина не пью, въ подкаретную, въ орлянку не играю. А вотъ безъ лѣса грѣшенъ, жить не могу. Душа дубравы просить... Душить меня возлѣ жилья.

Матрена. Человеку, который волюготу возлюбилъ, у насъ въ Волкоярѣ сласти немного.

Михайло. А – кому въ душу совѣсть дана – даже и несносно. Пьянство, безобразіе, дѣвки, своевольство. На конюшнѣ каждый день кто ни кто крикомъ кричить...

Матрена. Княжая воля.

Михайло. А ужъ князя этого такъ бы вотъ и пихнулъ къ болотному бѣсу въ трясины!

Матрена. Что ты? что ты? Любимый-то егеря его?

Михайло. Что любимый? Я справедливость люблю, меня подачкою не купишь. Я за справедливость-то, можетъ, людей...

Матрена. Что?

Михайло. Ничего...

Матрена. Ой, Давыдокъ! Давыдокъ!

Михайло. Тиранство мнѣ его несносно видѣть. Сколько народу изъ-за него мукою мучится...

Матрена. Ужъ чего хуже? Родную дочь – и ту томить, словно въ острогѣ.

Михайло. Кабы не вы, Матрена Никитишна, я давно наострилъ бы лыжи.

Матрена. На что я тебѣ далась?

Михайло. Эхъ! Чувства мои нераздѣленные, и страданіе въ груди!

Матрена. Нѣжности!

Михайло. Матрена Никитишна! Отчего вы столь жестоки – не желаете мнѣ соответствовать?

Матрена. Ой, что ты, Давыдокъ?

Михайло. Чѣмъ я вамъ не пара законъ принять?

Матрена. Какой съ тобою законъ? У тебя, сказываютъ, первая жена жива.

Михайло. Жива, коли не померла... Это вѣрно. Только я отъ нея разженился...

Матрена. Такого правила нѣтъ.

Михайло. Есть правило. Ежели баба о

мужъ, мужъ о женъ десять годовъ вѣстей не имѣютъ, – могутъ новый бракъ принять.

Матрена. Страшно за тебя идти-то: ишь кулачищи... Убьешь, – идохнуть не дашь.

Михайло. Зачѣмъ убивать? Грѣха на душу не возьму.

Матрена. А съ обличья ты – сейчасъ съ кистенемъ на большую дорогу.

Михайло. На большой дорогѣ и безъ убійства работать можно очень прекрасно.

Матрена. Ишь ты! А ты работалъ что ли?

Михайло. А ужъ это наше дѣло: «нѣтъ», не скажу, а «да» промолчу.

Матрена. Видалъ ты виды, Давыдокъ!

Давыдокъ. Волю зналъ за волю стоялъ. Кабалу позналъ, – ну, стало быть, и жди, терпи, помалкивай... (*Поетъ:*)

*Какъ на Вологде вино
По три денежки ведро...*

Антипъ идетъ изъ сада съ заступомъ на плечѣ.

Матрена. Чего рылъ, старикъ? Али клады копаешь?

Антипъ. А ты что знаешь? Можетъ, я ихъ не копаю, а закапываю.

Михайло. Это онъ, Матрена Никитишна, безпремѣнно щикатунку свою закопалъ. Щикатунка у него такая есть. Когда спать ложится, подъ голову ставитъ. Надо думать: большіе милліоны спрятаны.

Антипъ. Хочешь, наслѣдникомъ сдѣлаю?

Михайло. Ну тебя! Можетъ быть, тамъ у тебя колдовство?

Антипъ (смѣется). Колдовство... колдовство...

Михайло. Когда этотъ Антипъ будетъ помирать, безпремѣнно потолокъ надъ нимъ разбирать придется, потому что своею волею душа изъ него не выйдетъ: не охота ей къ нечистому-то въ зубы идти.

Матрена. Ну, ты, однако, «его» не поминай. Время вечернее.

Конста входитъ съ ружьемъ.

Антипъ. А вотъ и красавецъ нашъ.

Михайло. Мѣсяцъ съ одной стороны, онъ съ другой.

Матрена. Откуда восходишь, красное солнышко? Второй день не видать, думала, что волки съѣли.

Конста. Гдѣ былъ, тамъ нѣту.

Матрена. Рычи на мать-то, рычи...

Конста. Отвяжись... Тошно мнѣ!.. Тошно!..

Михайло. По городу заскучалъ?

Конста. Не знаю... Бѣсы во мнѣ... Тошно.

Михайло. Вона! Еще изъ Антипки не выльзли, а въ тебя уже влѣзли?..

Конста. Дурова голова!

Уходитъ въ баню.

Матрена. Слава Богу! Пожаловалъ милостью! До сихъ поръ одна Зинаида бѣшенная была на рукахъ, а теперь вся честная парочка.

Антипъ (смѣется). Парочка! Парочка! Баранъ да ярочка.

Михайло (страшнымъ шопотомъ). Баринъ!

Матрена слегка взвизгнула.

Михайло вытянулся.

Антипъ одинъ смотритъ равнодушно и почти презрительно.

Князь и Муфтель показываются въ глубинѣ.

КНЯЗЬ. Вы всѣ... здѣсь? Это хорошо...

Проходитъ за павильонъ, сопровождаемый Муфтелемъ, Матреною и Михайломъ.

АНТИПЪ (*Констѣ въ баню*). Бери колотушку-то. Зачинай.

Конста. Сейчасъ...

Вышелъ.

АНТИПЪ (*хихикаетъ*). Стража!

Конста. Надоѣлъ ты мнѣ, старецъ! Вотъ что!

АНТИПЪ. Въ старину тоже, сказываюсь, случай былъ: поставили козла стеречь капусту...

Конста. Опять ты?

АНТИПЪ. Чего?

Конста (*бросаетъ колотушку*). Дьявола ты

въ меня посадилъ! Колдунъ ты!

Антипъ. Ужъ и колдунъ?

Конста. Что я буду дѣлать? Гвоздь у меня въ мозгахъ... всю вселенную она мнѣ заслонила!

Антипъ. Стало быть, здорово забрало.

Конста. Старый ты чортъ! До твоихъ словъ лукавыхъ я къ ней какъ слѣпой былъ!

Антипъ. А я тебѣ глазки растарацилъ? Ишь!

Конста. Открылись мои глаза! Несчастный я сталъ человѣкъ... открылись!

Антипъ. Открылись, такъ смотри. На то они подъ лобъ ввернуты.

Конста. Прежде она для меня княжна была, барышня... Я красоты ея не видалъ. Словно никогда въ лицо ей не смотрѣлъ.

Антипъ. А теперича разглядѣлъ? Понравилась?

Конста. Нѣту больше княжны. Зинушку вижу... солнышко красное... дѣвушку желанную... любушку... Эхъ!

Антипъ. Обыкновенно, женскій полъ.

Конста. А?

Антипъ. Дѣвку-то, говорю, какъ ни назови

и куда ни превозвысь, все она, дѣвка, одинаковъ товаръ-отъ, выходитъ.

Конста. А, была не была, трещи моя голова, во всемъ ей признаюсь! Все скажу. Либо пусть и она любитъ. Или – пропадай душа! Хоть на свѣтъ не жить!

Антипъ. Скажи, братъ, скажи.

Конста. Да! скажи! А она насмѣется, надругается, нажалуется, велитъ прогнать со двора?..

Антипъ. Я тебѣ, дружокъ, не совѣтчикъ. Старикъ я. Когда молодъ былъ, любливали и меня дѣвки.

Конста (плюетъ). Дѣвки!

Антипъ. Ну, извѣстно, не всѣмъ княжны...

Конста. Охъ, старикъ, не отвинтилъ бы я тебѣ носъ твой!

Антипъ. Колотушку-то подыми... сторожъ!

Конста. Колотушку я подыму...

Антипъ. Любить люби, а стучать надоть.

Конста. Язва! Проказа египетская! (Уходитъ).

Антипъ. Ни-че-го!

Ушелъ въ баню, дверь оставилъ открытою.

Князь (возвращается съ Муфтелемъ и Матреною). Я тобою доволенъ, доволенъ.

Матрена. О томъ лишь, батюшка-князь, и радѣемъ, чтобы вамъ угодить.

Стукъ колотушки.

Михайло (поетъ).

*Какъ леталъ-то, леталъ сизый
орелъ по крутымъ горамъ,
Леталъ орелъ, самъ состарился...*

Матрена. Конста стучить.

Муфтель. Старательный молодецъ.

Князь. Да. Я его награжу... Я всѣхъ награжу.

Матрена. За что жаловать изволите? И безъ того много взысканы вашими милостями.

Князь. Ступай. Ступай...

Нижнія окна павильона освѣщаются изнутри. Матрена уходитъ въ павильонъ. Луна свѣтитъ прямо на балконъ.

Князь. Слушай, Муфтель. Когда народъ болталъ, что покойная княгиня ходить... гдѣ ее видѣли?

Муфтель. Въ разныхъ аллеяхъ, ваше сіятельство.

Князь. Въ разныхъ?

Муфтель. Такъ точно. Тоже вотъ – будто бы на балконѣ этомъ... сиживали...

Князь. Здѣсь она умерла.

Муфтель. Да это, ваше сіятельство, что же-съ?!

Князь. Нѣтъ, Муфтель, нѣтъ. Духъ, исшедшій изъ тѣла ранѣе, чѣмъ свершить земное въ предѣлѣхъ земномъ, тоскуетъ по мѣстамъ, гдѣ онъ покинулъ свои страсти и страданія, стремится къ нимъ и навѣщаетъ ихъ. Возможно, возможно.

Муфтель. Я того мнѣнія, ваше сіятельство, что не иначе, какъ глупый народъ принималъ за княгиню княжну Зинаиду Александровну. Потому что сходство.

Князь. Она на меня похожа, не на мать.

Зина выходитъ на балконъ павильона.

Михайло (поетъ).

*Пробивала у него сѣдинушка меж-
ду сизыхъ крылъ.
Побѣлѣла его головушка, ровно
бѣлый снѣгъ.*

Муфтель. Я имѣю въ виду ростъ и фигуру...
Извольте взглянуть.

Князь (съ содроганіемъ). Да... похожа... уй-
демъ.

Муфтель. Въ лунныя ночи княжна подолгу
остается на террасѣ.

Князь (про себя). Въ лунныя ночи... Въ лун-
ныя ночи... скверное сходство... Муфтель!

Муфтель. Ваше сіятельство?

Князь. Ты увѣренъ, что это – тамъ,
дѣйствительно княжна Зинаида?

Муфтель. Помилуйте, ваше сіятельство?
Кому же еще?

Князь (передразнилъ). Кому... кому!..

Муфтель. Прикажете ихъ окликнуть... по-
звать?..

Князь. Нѣтъ... нѣтъ... не надо... уйдемъ!

Уходятъ.

Михайло поетъ.

*Потупили у орла когти острые,
Ощипались у него крылья быстры,
Налетѣли на орла черны вороны,
Да терзали они его, сиза орла...*

Матрена открыла изъ навильона окно, глядитъ въ садъ, легла на подоконникъ.

Зина. Кузнецы трещать.

Матрена. Осень близко.

Зина. На березахъ листь пожелтѣлъ...

Матрена. Орѣхъ доспѣлъ.

Зина. Осень... дожди, слякоти пойдутъ... холода... дни короткіе, ночи темныя.

Матрена. Раньше спать ложиться будемъ.

Зина. Осенью садъ-то подъ вѣтромъ гудитъ, къ землѣ клонится...

Матрена. Мнѣ подъ вѣтеръ лучше спится.

Зина. Прошлую зиму волки въ садъ забѣгали.

Матрена. Нонче Муфтель велѣлъ крѣпче заборъ забрать.

Зина. Совсѣмъ острогъ, значить?

Матрена (зѣвая, притворяетъ окно). Ты бы въ горницу шла. Время.

Зина. Успѣю. дай воздухомъ подышать. Тамъ несносно. Лекарства эти, больной человѣкъ...

Матрена. Густавсонша наша совсѣмъ плоха.

Зина. Охаетъ она... сердце рветъ...

Матрена. И зачѣмъ это дано человѣку, что ему умирать трудно?

Затворила окно.

Зина. Кабы легко помирать кто жить бы сталъ?

Конста бьетъ въ колотушку.

Михайло.

Эхъ, не прежняя-то моя полеточка орлиная!

Да не прежняя моя ухваточка соколиная!

Разбилъ бы я черныхъ вороновъ всѣхъ по перышку,

Да разнесъ бы ихъ по дубравушкѣ.

Окно Матрены гаснетъ. Зина упала на скамью подъ яблонью и глухо рыдаетъ.

Конста. Посматривай!

Михайло. Поглядывай!

Далекій голосъ сторожа. Слушай!

Конста (*выходить*). Посматривай!

Увидалъ Зину.

Что съ вами, барышня? Господи, спаси! Кто васъ изобидѣлъ!

Зина. Охъ, зачѣмъ я только дѣвушка? Родилась бы я мальчикомъ, ужъ не заперли бы меня въ четырехъ стѣнахъ... сумѣла бы я найти свою волю. А дѣвушка что можетъ? раба!.. Муфтелю кланяйся. Липкѣ кланяйся! Всякій надо мною измывается, и никто мнѣ не поможетъ...

Конста (*про себя*). Расходилась... красивая! (*Зинѣ*). А новыя мѣста, барышня?

Зина. Поди ты! Мнѣ не до шутокъ. Я тебѣ по-настоящему говорю, что мнѣ пришло хотѣ въ петлю лѣзть.

Конста. Зачѣмъ въ петлю? Петля – послѣднее дѣло. Въ петлю всегда поспѣете, а надо бы придумать что-нибудь поскладнѣе.

Зина. Если бы какой-нибудь человѣкъ вывелъ меня изъ этой каторги, такъ я бы ему всю жизнь отдала, въ кабалу къ нему пошла бы.

Конста (*присѣлъ къ ней на скамью*). Изъ кабалы-то опять въ кабалу?

Зина. Хуже теперешней не будетъ.

Конста. А если такой человѣкъ найдется, да... не подѣ пару вамъ, низкаго рода?

Зина (*не глядитъ на него*). Говорю тебѣ, петля... Не все ли равно мнѣ, мертвой, кто съ дерева сниметъ?

Конста. И любить вы стали бы такого человѣка?

Зина. И любить.

Конста (*рѣзко схватилъ ее и притянулъ къ себѣ на грудь*). Коли такъ, цѣлуй меня, Зинушка! Я какъ разъ по тебѣ человѣкъ! Я тебя не выдамъ! И отъ лихого батьки вызволю, и на новыя мѣста... Да что на новыя мѣста? Хоть во всѣ заграницы провожу!.. Удалой я – ухъ!.. А ужъ любить-то любить какъ буду!

Она молча лежитъ на его груди.

Михайло (поетъ).

*Канарейка пташечка,
Вольная кукушечка,
Примахала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...*

*Антипъ выглянулъ изъ бани, слушаетъ и
смотритъ.*

Зина. Ты не обманешь?

Конста. Нѣтъ.

Зина. Помни, не тебя я люблю – волю въ
тебѣ люблю... Волю мнѣ дашь, – тебя любить
стану, обманешь, – прокляну... убью!

Конста. Сказалъ: выведу, стало быть, такъ,
мое слово крѣпко. Не оправдаю слова, самъ
пойду къ князю съ повинною! Пускай тира-
нить! Потому, значить, подѣломъ мнѣ это, за-
служилъ.

*Обнялъ Зину. Она, вся въ его объятіи. Мат-
рена, полураздѣтая, въ большомъ ковровомъ*

платкъ, зѣвая, выходитъ на балконъ... Увидала, ахнула, завизжала и – вцѣпилась въ сына.

Михайло (поетъ).

*Проходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходючи,
Милаго искаючи...*

Матрена. Дьяволы вы такаіе! Что же вы со мною дѣлаете?

Конста. Мать! Постой! Мать! нельзя такъ!

Матрена. Нѣтъ, я сперва тебѣ, подлецу, виски выщиплю!

Конста. Мать! Больно! голова своя не купленая!

Матрена. Глядѣлки выдеру!..

Зина. Мамушка!

Матрена (сразмаху ее оттолкнула). Ты еще?.. Заступница!

Зина (отскочила). Демонъ въ тебя вселился?

Конста. Мать! Оставь! самъ драться стану!..

Матрена. Врешь! Не смѣешь! Не можешь! Дай мнѣ мое горячее сердце сорвать!..

Выпускаетъ его и садится въ безсиліи на скамью.

Матрена. Коли вы Бога забыли, такъ хоть о князѣ вспомнили бы. Не жильцы мы больше на бѣломъ свѣтѣ. Живыхъ въ землю закопать...

Конста. Эка волосьевъ-то надрала!

Матрена. А тебѣ, Константинъ, и казни такой не придумать, какъ онъ тебя расказнить.

Конста. Это еще бабушка на двое сказала.

Матрена (*причитаетъ*). Охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ!

Конста. Мозги не у одного князя въ головѣ положены, а земля велика.

Матрена (*Зинѣ*). Ты хороша, съ колокольню выросла, а ума не вынесла: слушаешь враки.

Конста. Я не вру.

Зина. Онъ не вретъ, мамушка. Я за то его и полюбила, что онъ выведетъ меня отсюда.

Конста. Ты, мать, слушай. Какого же добра намъ тутъ дожидаться? Сама говоришь, что если слухъ о насъ дойдетъ до князя, онъ насъ

живьемъ съѣсть, въ землю закопаетъ.

Матрена. На семъ самомъ мѣстѣ. И никакой колдунъ потомъ не найдетъ!

Конста. Такъ и шишъ ему съ масломъ!

Зина. Сами у идемъ и тебя уведемъ.

Матрена. Онъ васъ на днѣ морскомъ разыщетъ.

Конста. Ладно. Мы сами съ усами. Тоже не дуromъ побѣжимъ, а съ оглядкою, не сейчасъ за руки схватимся, да втроемъ въ лѣсъ... Это дѣло надо устроить тонко.

Матрена. Антипкины сны бредишь!

Антипъ (*изъ бани*). Антипкины сны не кори: Антипка хорошіе сны видитъ.

Плетется къ нимъ.

Матрена. Ой, подкрался песъ!

Антипъ. Миръ честной компаніи... Душно въ банька-то... Не поспалось...

Конста. Дѣдъ! слушай!

Матрена. Нѣтъ, ужъ ты, Конста, оставь. Я сама его поспрошаю... ты моей головы не морочь... Вы вдвоемъ не то, что мнѣ, цыгану зубы заговорите.

Зина съ Констою отходитъ сперва къ навильону и остаются на ступеняхъ балкона, – потомъ, пока идетъ бесѣда между Антипомъ и Матреною, скрываются въ садъ, мелькаютъ тамъ между деревьями...

Антипъ. Поспрошай, поспрошай...

Матрена (*не то про себя, не то къ людямъ*). Что же въ самомъ дѣлѣ? Пишусь я вольною, а какую, изъ-за этого, прости Господи, Ирода князя, волю себѣ видѣла въ жизни? Хуже крѣпостной. Отвѣтъ мой большой, и бѣда мнѣ пришла неминуемая...

Антипъ. Руками вертишь? Поверти: помогаетъ.

Матрена. Смутилась моя голова. Всѣхъ ты засмутянилъ, старый бормотунъ! О волѣ раздумалась.

Антипъ. О волѣ думать пріятно.

Матрена. Скажи по правдѣ; кабы тебѣ возможность, побѣгъ бы ты снова на волю?

Антипъ (*помолчавъ*). Десять годовъ назадъ, я убѣгъ съ отчаянности, съ большого горя, не понимаячи самого себя. Но, когда из-

быль я отъ себя первое сердце, да поглядѣль кругомъ на Божій міръ, такъ и захватило мнѣ душу волею. И понялъ я тогда, что только съ волею и видать человѣку міръ Божій, а безъ воли у человѣка и глазъ нѣту. Въ рабьей онъ слѣпотѣ. И сталъ я въ ту пору себя корить и проклинять: съ чего я, дурень, загубилъ свою жизнь на холопской привязи? Только на седьмомъ десяткѣ и свѣтъ увидалъ! И всѣ десять лѣтъ прошли, словно сонъ пріятный... А вспомнить что въ нихъ радостнаго было? Какая сладость для тѣла? Ничего. Не покоилъ я старыя кости, а трудами трудилъ... Въ тюрьмахъ сиживалъ. По этапамъ черезъ всю Россію прошелъ, изъ подъ карауловъ бѣгалъ, и голодалъ, и холодалъ, и бивали меня, и обкрадывали.

Матрена. Сохрани Богъ всякаго!

Антипъ. Да, все на волѣ, Матреша, на волѣ! А съ нею, голубушкой, все сладко. Лучше ея не выдумалъ человѣкъ ничего. Воля весь человѣкъ! Есть воля, и человѣкъ есть. Нѣтъ воли, и человѣка нѣтъ... Такъ, склизъ...

Матрена. Такъ что, Антипъ Ильичъ, если бы...

Антипъ. Нѣтъ, Матреша, ты меня не мани, сердца не вороши...

Матрена. Да я не маню – куда мнѣ тебя манить? Богъ съ тобою?

Антипъ. Эхъ, родненькая! былъ конь, да уѣздили! Кому и какой я товарищъ? Дряхлецъ! Кому куда бѣчь, а мнѣ въ могилу. Я свое изжилъ – дошелъ до ямы: мнѣ, другъ, уже и воля не нужна...

Матрена. Этого я уже не понимаю, почему, если волю такъ любишь, стала не нужна тебѣ воля.

Антипъ. Потому что старому ненужному кобелю всюду воля. И здѣсь мнѣ воля. Я управителю такъ сказалъ и тебѣ говорю. Ха-ха-ха! Съ меня ничего не требуешь. Взятки гладки. Пиши меня, чѣмъ хочешь, холопомъ, а я свой сталъ. Божій! Ха-ха-ха! Поздно мнѣ бѣжать. Некуда. Да и дѣло здѣсь есть... большое... Не додѣланное. А то побѣгъ бы съ вами, непременно побѣгъ бы!

Матрена (*струсила*). Что ты, дѣдушка, право? все съ вами, да съ вами? Я тебя такъ, для примѣра спросила, а ты уже невѣсть что подумалъ.

Антипъ. Эхъ, Матренушка! Полно! Не хитри! Съ кѣмъ хитришь? Съ Антипомъ-бродягою! Я не колдунъ, да подъ тобою въ землю на три аршина вижу... знаю я ваши дѣла, все видѣлъ

Матрена. К...к...какія дѣла?

Антипъ. Не трусь. Князю доносить не пойду... Такъ ему и надо, злодѣю! Такъ и надо!

Матрена. Охъ, дѣдушка! пропала моя голова. И охватить умомъ не умѣю, чего мы натворили... Мысли то такъ вотъ и мчатся кувиркомъ, будто турманы...

Антипъ. Погоди. Я тоже поднесу ему, демону... закуску въ жизни! За всѣхъ за себя, за княгиню-покойницу, за Матюшу, неповинную душу, племянника загубленнаго... Что мы знаемъ, то знаемъ! Сладкая будетъ закуска. Хо-хо! Скрючить его отъ нея.

Матрена. Ты что же, дѣдушка, неладное, стало быть, что-нибудь провѣдалъ про князя?

Антипъ. Это, другъ, не твоей головы дѣло.

Матрена. Пожалуй, не сказывай: я спросту.

Антипъ. Ни тебѣ и никому не узнать, пока не придетъ смерть либо за мною, либо за княземъ. Должно, я помру ранбше... Хо-хо! По-

смотрю передъ смертью, какъ его задергаетъ... Хо-хо!

Матрена. Не смѣйся, дѣдушка! страшно!

Антипъ. Хо-хо-хо-хо-хо... Безъ того самъ не помру и его со свѣта не отпущу... Хо-хо-хо!

Михайло (поетъ).

*Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Искалъ мѣста добраго.
Не нашелъ-то добрый молодецъ
мѣста добраго,
А нашелъ-то добрый молодецъ
море синее,
Камыши высокіе, лопухи
широкіе...*

Антипъ. Вожака въ бѣга ищешь?

Матрена. Да... съ однимъ Констою уходитъ боязно...

Антипъ. Напрасно. Парень головитый.

Матрена. Я парня своего не хаю, да молодъ и горячъ и сторону нашу плохо знаетъ: московскій человѣкъ, городской.

Антипъ. Зови пѣвуна.

Матрена. Давыдка?

Антипъ. Михаилу.

Михайло. Не пойдеть...

Антипъ. Пойдетъ. Кто его удержитъ? Вольная душа. Загнала бѣда сокола въ клѣтку, – ну, и терпитъ. Спитъ воля. А ты позови, разбуди. Пойдетъ.

Матрена. Да, ужъ лучше-то нельзя... О, Господи! просто затменіе нашло, что я о немъ забыла.

Конста и Зина, обнявшись, стоятъ въ глубинѣ сада.

Антипъ. Поминай, какъ звали!

Зина. Хорошо... привольно...

Матрена. Спасибо, Антипушка, что надоумилъ.... Какъ рублемъ подарилъ.

Зина. Звѣзды на небѣ...

Конста. Сама ты – звѣзда изумрудная!

Михайло (выходить).

*Какъ во этихъ камышахъ стояла
избушечка.*

*Во той ли избушечки была
свѣтлая горенка...*

Матрена. Что ты, Давыдокъ, все грустное поешь? Веселую пой.

Михайло. Я, Матрена Никитишна, больше

по причинѣ одинокаго горлодеру.

Матрена. Довольно по саду основу сновать садись рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ.

Михайло. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ.

Антипъ. Вы потолкуйте, а я послушаю...

Зина. Кузнецы трещатъ... трещатъ...

Конста. Много ихъ къ осени-то.

Зина. Трещите, стучите! Я теперь не боюсь...

Михайло. Вся полная зависимость отъ васъ, Матрена Никитишна. Безъ васъ я съ мѣста не тронусь, а съ вами хоть во всѣ преисподнія.

Антипъ. Князь-то спитъ, чай, либо чертей вызываетъ.

Михайло. Безпремѣнно, что вызываетъ чертей.

Конста. Немного ему черти расскажутъ...

Зина (взвизгнула, и убѣжала). **Конста!** Лови меня.

Михайло. Константинъ!

Конста. Послѣ!

Михайло. Опосля, твою маменьку повидавши, у насъ съ тобою теперь большіе разго-

воры будутъ.

Конста. Хорошо, хорошо... (*Убѣгаетъ*).

Зина. Конста! ау!

Антипъ. Земля-то, стало быть, подъ ногами горить.

Матрена. Этакихъ чертей князю не звать!

Михайло. Ночь-то свѣтлая, благодатная...

Антипъ. Мѣсяцъ бродяжье солнышко!

Михайло (*запѣваетъ*).

*Ахъ ты, душечка, удалый молодецъ,
Ты гораздъ, душа, огонь выскать!
Часты искры сыплются,
Въ ретиво сердце вселяются,
Сиротою называются...*

Зина. Конста! ау!

Конста. Ау!

Голосъ далекаго сторожа. Посматривай!

Михайло (*дразнится*). Поглядывай!

Смѣющійся голосъ Зины. Слуша-а-а-ай!!!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе IV

Внутренній покой въ павильонѣ; обдерганные, порванные обои – жалкій видъ разгрома, точно послѣ пожара. Черезъ высокая узкія окна виденъ садъ. Одна старая, могучая яблоня почти приклонилась къ окну своею шапкою. Три выхода. Въ углу печь съ лежанкою, топится. Прошка поддерживаетъ огонь. На лежанкѣ подстилка и подушка – Антипова постель. Смѣшанная мебель, какъ въ нежиломъ помещеніи: хламъ, сданный въ кладовки. Ковчegovъ, Вихровъ, Липинъ, Исправникъ, Лаврентій Ивановичъ, Прошка.

Вихровъ. Четыре человекъ и собака исчезли изъ Волкояра и хоть бы слѣдъ по себѣ оставили. Словно ихъ проглотила.

Исправникъ. Такъ оно и есть.

Лавр. Иван. Верстахъ въ тридцати отсюда на низу – лодку угнанную, пустую, поймали. Муфтель ѣздилъ смотрѣть, наша волкоярская.

Вихровъ. Старикъ! гдѣ теперь княжна?

Лавр. Иван. О томъ мы, баринъ, неизвѣстны.

Вихровъ. Можетъ быть, лежитъ бѣдняжка въ какомъ-нибудь омутѣ унженскомъ, съ камнемъ на шеѣ, а тѣ – злодѣи – деньги ея дѣлятъ... брильянты...

Исправникъ. Господи, спаси!

Лавр. Иван. Типунъ вамъ на языкъ, баринъ.

Ковчegovъ. А мнѣ кажется, мы о княжнѣ скоро вѣсти получимъ... скоро! И для князя непріятныя... Не вокругъ Волкояра ее искать надо-съ. Не здѣсь-съ.

Вихровъ. Гдѣ же; по-вашему?

Ковчegovъ. Въ Москвѣ или Петербургѣ. Родню поѣхала искать. Защиты просить. И найдетъ-съ.

Вихровъ. Но зачѣмъ было уводить дворовыхъ?

Ковчegovъ. Какъ свидѣтелей и проводниковъ.

Исправникъ. А, по-моему, въ омутѣ... безпремѣнно въ омутѣ. Помилуйте. У нея деньги были, – мало ли князь дарилъ?.. По праздникамъ... на именины... Наконецъ материны брильянты... Гдѣ деньги и брильянты? Я спрашиваю: гдѣ?

Вихровъ. Ограбили.

Исправникъ. Да, ограбили, а самоѣ удушили и трупъ утопили.

Липинъ. Охота воображать страхи! Дѣло гораздо проще.

Вихровъ. Ну-съ?

Липинъ. Романъ любовный, и больше ничего. Слюбилась.

Ковчеговъ. Да съ кѣмъ же? Ну, съ кѣмъ?

Исправникъ. Всѣхъ сосѣдей провѣрили: ни ухомъ, ни рыломъ...

Липинъ. А этотъ... бѣжавшій тоже... Какъ бишь его? Садовникъ что ли?..

Лавр. Иван. Конста?

Исправникъ. Вона вы куда гнете!..

Вихровъ. Фантазія разыгралась.

Липинъ. Какая же фантазія? Княжнѣ восемнадцать лѣтъ. Дѣвушка здоровая, красивая. Сидитъ въ затворничества какомъ-то нелѣпомъ, одурѣла отъ скуки. Конста этотъ единственный мужчина, котораго она видитъ...

Исправникъ. Да, какой же онъ мужчина для княжны? Онъ дворовый человѣкъ, а не мужчина.

Липинъ. Какой? Красивый.

Исправникъ. Не понимаю, что красиваго можетъ быть въ дворовомъ человѣкѣ?.. Я, конечно, старикъ... Но, даже при этихъ сѣдинахъ и при этой почтенной лысинѣ, сравните, господа: кто изъ насъ двоихъ болѣе прекрасное Божіе созданіе – я или вонъ этотъ молодой Прошка?

Прошка. Ась?

Вихровъ. Прошка!

Исправникъ. Неправда! У него лицо неблагородное.

Вихровъ. А у васъ?

Исправникъ. Откуда же у меня неблагородному лицу быть? Я столбовой.

Вихровъ. Ужъ не знаю, какъ о благородства, но, если бы я былъ женщина и надо было выбирать между вами двумя, я лучше влюбился бы въ Прошку.

Прошка. Ась?

Ковчegovъ. Все это возможно и все это бывало. Мнѣ оно приходило въ голову. Но куда бы имъ тогда дѣваться? Дѣваться-то некуда.

Липинъ. А куда дѣваются прегрѣшившія купеческія дѣвы, которыя по старой вѣрѣ?

Вихровъ. Въ скиты?

Липинъ. Матери такъ спрячуть, что не токмо съ полиціей – съ войсками не найти.

Ковчеговъ. Сказки!

Лавр. Иван. Нѣтъ, не сказки, баринъ, ваше высокоблагородіе. Стоять лѣса дремучіе, тянутся болота непроходныя, а в тѣхъ лѣсахъ и болотахъ живутъ обитатели тайныя.

Липинъ. Да-съ. Деревни находили, села цѣлыя.

Лавр. Иван. Бѣжалъ народъ отъ некрутчины, отъ лютой крѣпости, отъ Никоновой щепоти и антихристовой печати.

Исправникъ. Въ Москвѣ ли, въ омутѣ ли, въ скитахъ ли княжна, – твердо одно: здѣсь ея нѣту, и вотъ уже мѣсяцъ кончается, что мы рыщемъ и свищемъ, а о ней нѣтъ ни слуха, ни духа.

Липинъ. Муфтель все записки ищетъ или намека какого-нибудь... Стѣны въ павильонѣ ободрались, теперь полы подымается...

Входитъ Муфтель; за нимъ Антипъ, блѣдный, изнеможенный, едва живой, ковыляетъ съ клюкою.

Муфтель Антипу. Не шляться за мною, лысый сатана! Куда я, туда онъ... Привязался, какъ тѣнь... Какой тебѣ интересъ? Что надо?

Антипъ. Больно занятно роешься, Богданычъ. Ровно бы ты кротъ?

Муфтель. Охъ, пощупать бы тебя! Пощупать!

Исправникъ. А и въ самомъ дѣлѣ: ты, старый чортъ, изъ бани своей, куда глядѣлъ?

Антипъ. Такъ! У нихъ дѣвки бѣгаютъ, а Антипка виновата... Князь меня что сторожить-то сюда поставилъ княжну или баню!

Муфтель. Баню.

Антипъ. Ну, баня вотъ она тебѣ: цѣлехонька, хотъ завтра топи, да парься. А прочее насъ не касающее.

Муфтель. Да, вѣдь, когда они бѣжали, то должны были пройти мимо тебя или по близости... какъ же ты ихъ просмотрѣлъ?

Антипъ. Чудакъ ты, Богданычъ, погляжу я на тебя. Люди бѣжать надумались, а полѣзутъ доброй волей на живого человѣка? Бѣглецамъ, другъ, чужихъ глазъ не требуется... Бѣглецы, другъ, свидѣтелевъ-то, за горло,

да и духъ вонъ.

Исправникъ. А ты вотъ живъ остался.

Антипъ. Потому и живъ, что не видалъ.

Князь Дмитрій вбѣгаетъ съ бонною и нянькою.

Кн. Дмитрій. Муфтель! Сестрица вернулась?

Муфтель. Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство. Нѣтъ ихъ.

Кн. Дмитрій. А куда ушла сестрица, Муфтель?

Муфтель. М-м-м... на прогулку... побывать... Богу молится въ монастырѣ.

Кн. Дмитрій. Какъ она долго молится!

Антипъ. Стало быть, есть о чемъ.

Кн. Дмитрій. Здравствуй, дѣдушка!

Антипъ. Здравствуй... внучекъ.

Муфтель. Ты, старый песъ, охальничай, да не зазнавайся... Дерзить не моги!

Князь Дмитрій убѣжалъ.

Антипъ. А чего я охальничаю? Ничего, ка-

къ есть... Старикъ – стало быть, дѣдушка, малецъ – стало быть, внучекъ...

Вихровъ. У него въ головѣ неладно.

Муфтель. Совсѣмъ старикъ забывается.

Вихровъ. Каковъ сегодня князь?

Антипъ. Кабанъ кабаномъ, землю подъ собою грызетъ.

Муфтель. Молчи!

Антипъ. Молчу.

Взобрался на лежанку, свернулся калачикомъ, лежитъ, какъ будто въ забытѣи.

Исправникъ. Тише сегодня. Хлопоничъ изъ Питера прѣхалъ съ новостями; какъ будто немного разговорилъ его сіятельство.

Муфтель. Съ лица ужъ очень нехорошъ... Синій даже.

Лавр. Иван. За головку все ручками берутся.

Исправникъ. Мигрень, значить.

Лавр. Иван. Ажъ пристанываютьъ.

Князь и Хлопоничъ.

Хлопони́чь. Не узналъ Петербурга. Истинное слово говорю вамъ, ваше сіятельство, не узналъ. Духъ иной-съ! Другіе люди!

Князь. Гмъ... гмъ...

Хлопони́чь. Даже и стишокъ такой ходитъ о всеобщемъ удивленіи по поводу новыхъ временъ. Помилуйте-съ! «На дрожкахъ ѣздятъ писаря, въ фуражкахъ ходятъ офицеры»... Предводителя нашего сынка встрѣтилъ. По Невскому теленкомъ оглашеннымъ бзырить, только-что съ теплыхъ водъ... въ бородѣ-съ! Причесанъ, какъ мужикъ, и въ бородѣ!.. И – ничего-съ! Никто не препятствуетъ... Помилуйте! При покойникѣ, на барабанѣ бороду-то обрили бы... чрезъ полкового цирюльника! да-съ!

Князь. Дуракъ безъ бороды баранъ, съ бородою козелъ, только и разницы.

Хлопони́чь. Говорятъ-съ! Шепчутъ-съ! Сочиняютъ-съ! Прожектовъ! Мѣстовъ! Жалованьевъ! Такъ и гудеть-съ...

Князь. Гудеть, говоришь?

Хлопони́чь. До ужаси! Званія и ранги перемѣшались. Сегодня, скажемъ, человѣкъ въ ничтожествѣ былъ, а завтра прожектъ на-

писаль, въ точку попалъ, и-мало-мало не министръ!.. Все – съ войны пошло-съ, опосля замиренія.

Князь. А у насъ тихо. Гудѣніе жизни мимо плыветъ. Спимъ въ омутъ и ничего не слышимъ. Гремѣлъ Севастополь, – я спалъ. Скончался Николай Павловичъ, спалъ. Ничто, ничто для меня жизнь живая... Остолбенела мысль, и чувства мои – какъ спячка удава объѣвшагося... Такъ надо полагать, отъ сна этого прямо перейду и въ сонъ смертный.

Хлопонищъ. Вамъ бы, ваше сіятельство, душу развеселить въ Питеръ проѣхать?

Князь. Не видали меня тамъ! За дикаго ирокеза почтутъ.

Хлопонищъ. Развлеклись бы: Бозія поетъ. Старыхъ дружковъ повидали бы... Энтихъ-то, ваше сіятельство, которые по четырнадцатому числу... всѣхъ вельно возвратить.

Князь. Врешь?

Хлопонищъ. Ей-Богу! Ъдутъ изъ дальнихъ краевъ-то... Первые люди! Встрѣчаютъ ихъ по городамъ, словно вельможъ какихъ...

Князь. Благословенъ грядый во имя Господне!

Хлопони́чь. Право, повидались бы, ваше сіятельство?

Князь. Зачѣмъ? Чтобы себя стыдиться? Я и наединѣ, братъ, самъ съ собою довольно стыжусь.

Хлопони́чь. Помилуйте-съ!

Князь. Общаго между нами уже нѣту... Радъ, что живы, кто живъ... а – нѣту, умерло общее! Они тамъ – въ глубинѣ сибирскихъ рудъ – души свои живыя сохранили, сквозь вьюги, сумракъ и нищету, въ оковахъ, свѣтъ свой пронесли... А я свободный, богатый – душу свою зарылъ глубже, чѣмъ въ рудникѣ. Темный демонъ – душа моя, и... поздно! не взлетѣть ей! Что ужъ Чортушкѣ съ декабристами? Тоже слышаны, небось... о Чортушкѣ-то! Они освобождали, а я заковывалъ... Съ испугомъ въ глазахъ встрѣтятся... еще и руки, пожалуй, не подадутъ. Нѣтъ! Поздно, Хлопони́чь, поздно!

Муфтель подходитъ.

Ну?

Муфтель. Ваше сіятельство...

Князь. Ну?

Муфтель. Ваше сіятельство! Хотите казните, хотите – милуйте. Ничего не нашелъ и найти надежды не имѣю. Вину свою чувствую, но полагаюсь на ваше великодушіе, что помните мою вѣрную и долгую службу вамъ потомъ и кровью. А, впрочемъ, творите, ваше сіятельство, свой судъ надо мною, какъ вамъ будетъ угодно. Моя преданность все вытерпитъ.

Молчаніе.

Князь. Не за что наказывать тебя, Богданычъ. Тутъ приставъ хоть Аргуса стоглазаго, и тотъ не уберегъ бы. Тутъ высшее... Предсказано – и исполнилось. Вотъ онъ зять-то! Судьба! Выкрали... окрутили... Что будетъ? Что будетъ?.. О, Муфтель! страшно! то-то! Судьба! Выкрали... окрутили... Что будетъ? Что будетъ?.. О, Муфтель! страшно! страшно!

Муфтель. Болѣе горестно, ваше сіятельство, а бояться, осмѣлюсь доложить, чего же? Совсѣмъ вамъ нечего бояться, ваше сіятельство.

Князь. Не знаю, Муфтель, чего, но боюсь. Ужасъ въ душѣ моей, ужасъ, темный и ожидающій. Страшно зрѣлище свершившейся судьбы, Муфтель. Я чувствую, какъ конецъ мой окружаетъ меня... Я гибну, Муфтель.

Муфтель. Богъ не безъ милости, ваше сіятельство. Перемелется – мука будетъ. Не одни мы ищемъ: весь уѣздъ на ногахъ. Дастъ Богъ, и вернется еще наша княжна.

Князь (крикомъ). Дастъ Богъ? Сохрани меня Богъ!

Муфтель. Ваше Сіятельство?

Князь. Муфтель! Муфтель! Ты бредишь! Вернется? Да вѣдь это смерть! Это смерть наша, Муфтель! Развѣ она одна вернется? За мужняя! съ нимъ!

Муфтель. Съ кѣмъ, ваше сіятельство?

Князь. Почему я знаю? Съ нимъ... Съ зятемъ!.. съ предсказаннымъ!.. Погибель, Муфтель! Туда! Внизъ! Къ чорту! въ тартарары!.. Хоть бы развѣдать: кто онъ? отъ кого пропадаю?.. Сосѣдишки всѣ по мѣстамъ... Обманули насъ съ тобою, Муфтель! Провели; выкрали дѣвку. О-о-о! Пособниковъ бы мнѣ въ руки... Матрену мерзавку, щенка ея подлаго, Давыд-

ка – разбойника... О-о-о!.. Гдѣ Серафима и Олімпіада?

Муфтель. По приказанію вашего сіятельства, вчера усланы въ самарскія деревни.

Князь. Вернуть. Я погорячился... Не могу безъ нихъ. Мнѣ нужны посредницы между моею душою и загробнымъ міромъ. Немедленно вернуть.

Муфтель. Вся воля вашего сіятельства.

Князь. А про княгиню... какіе въ дворнѣ слухи?

Муфтель. Все по-прежнему. Глупый народъ.

Князь. Ходить?

Муфтель. Будто бы... Да развѣ есть возможность? Глупый народъ.

Князь. Торопитъ... Зоветъ... Подожди, страждущая тѣнь: свиданіе мести недалеко... Отольются волку... Нехорошо мнѣ, Муфтель! Жиръ душитъ, печень одолѣла и голова... мутная, свинцомъ налитая у меня голова.

Муфтель. Ваше сіятельство, осмѣлюсь доложить: можетъ быть, средствице какое-нибудь?..

Князь. Какія, Муфтель, средствница? Спрутъ во мнѣ. Знаешь, что такое спрутъ? Ужасъ океана, слизкая морская гадина, студень поганый, живою кровью питается. Спрутъ во мнѣ. Схватилъ душу, облапилъ всѣми щупальцами и сосеть изо дня въ день, изъ часа въ часъ... Нѣтъ средства на спрута, Муфтель. Ни лекарства, ни огонь, ни желѣзо не излучать: излѣчить одна смерть!.. Я удостоилъ тебя великой чести, Муфтель: ты подпишешь, какъ свидѣтель, мое завѣщаніе. Другимъ свидѣтелемъ подпишется губернаторъ. Ступай. (*Вихрову*). Прошу васъ.

Вихровъ. Я приготовилъ проектъ завѣщанія, князь.

Князь. Благодарю васъ.

Хлопоничъ. Одинъ пунктикъ, ваше сіятельство, слѣдовало бы... того-съ... Хе-хе-хе!

Князь. Что такое?

Вихровъ. Ахъ, мы сегодня цѣлое утро споримъ. Поймите же, г. Хлопоничъ, что именно на этомъ пунктѣ особенно настаивалъ князь, когда поручилъ мнѣ составить проектъ.

Князь. Что такое?

Хлопоничъ (*читаетъ*). Всѣхъ моихъ

крѣпостныхъ крестьянъ во всѣхъ моихъ вотчинныхъ и благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ отпускаю на волю, безъ выкупа, предоставляя имъ сойтись въ земельномъ надѣлѣ съ единымъ законнымъ наслѣдникомъ правъ моихъ, княземъ Дмитріемъ Александровичемъ Радунскимъ, по усмотрѣнію сего послѣдняго, какъ скоро исполнится его совершеннолѣтіе

Князь. Ну?

Вихровъ. Господинъ Хлопоничъ находитъ, что напрасно.

Хлопоничъ. Я только осмѣливаюсь, что... зачѣмъ же вашему сіятельству... такое-съ дерзновенное? Вѣдь времена текутъ-съ... новыя у насъ нынѣ времена! Только и слуховъ-съ въ Петербургѣ, чтобы этому быть... кхе-кхе... событію-съ: то-есть... я осмеливаюсь... что... будто... отберутъ у насъ крестьянъ? Правительство якобы рѣшило... извините за выраженіе, освободить хамовъ сихъ...

Князь. И пускай освободить! Отлично!

Вихровъ. Отлично!

Ковчеговъ. Да, хорошо поддакивать, когда ни кола, ни двора. А у меня триста душъ... благопріобрѣтенныхъ.

Князь. Давно пора!

Хлопоничъ. А я такъ позволю себѣ замѣтить, ваше сіятельство, что сомнѣваюсь... Ничего не будетъ!.. Десятки лѣтъ слухи ходятъ, а все въ пустышку... Были господа и были рабы, будутъ рабы и будутъ господа... Какъ быть премьнѣ законамъ міра сего? Преувеличиваютъ.

Князь. Нѣтъ, Хлопоничъ, будетъ воля, непременно будетъ. Великое время наступаетъ для Россіи. Не тоскуй о прошломъ. Не знаю, что дастъ будущее, а прошлое и настоящее наше – тьма кромѣшная, скрежетъ зубовой. Ты думаешь, жизнь вокругъ насъ? Нѣтъ, мерзость, запустѣніе, гнилое дупло, обросшее поганками. Я, ты, Муфтель, Олимпіада, всѣ кругомъ – поганки. И не наша въ томъ вина: не могли мы другими быть. Изъ погананаго дупла выросли, поганы и мы. Срубятъ дуплистый дубъ, – не станетъ и поганока. Къ чорту насъ, къ чорту... Только чортъ-то захочетъ ли взять? Пожалуй, назадъ приведетъ: такіе голубчики, что и ему не надобны... Я счастливъ, что сынъ мой будетъ принадлежать свободной Россіи. Ужъ не будетъ такъ, что тридцать

тысячъ душъ жѣвуть, чтобы кормить и баловать постылаго и ненужнаго никому челоуѣка, вродѣ... вродѣ меня!

Муфтель. Это — что же? Я, ваше сіятельство, всю жизнь... хоть и кровь отдать!

Князь. Знаю.

Хлопонищъ. Обижать изволите: развѣ бремя ваше кому въ тягость? Въ сладость оно намъ, ваше сіятельство, вотъ что!..

Князь. А на пунктѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ моихъ людей я настаиваю твердо. Правительство само по себѣ. Мнѣ до него дѣла нѣтъ... Эти мужики были моими рабами, свободу имъ дать долженъ я, я, я, а никто другой... Не позволю!.. Слышите, Вихровъ? Разработайте пунктъ, какъ можно подробнѣе и яснѣе, чтобы потомъ ни кляузъ, ни прищѣпокъ... Я освобождаю рабовъ моихъ, никто другой: слышали? я.

Лавр. Иван. Осмѣлюсь доложить: дозорный съ вышки усмотрѣлъ въ аллеѣ карету, скачущую четверикомъ и иные экипажи. Такъ должно предположить, что слѣдуютъ ихъ превосходительство, господинъ начальникъ губерніи...

Князь. Жду.

*Уходит сопровождаемый исправником,
Вихровымъ, Лавр. Ивановичемъ.*

Ковчegovъ. Эка Люциферъ гордый!

Липинъ. И добро-то онъ дѣлаетъ какъ-то по-звѣрски.

Хлопоничъ. Чортушка-съ!

Расходятся.

Антипъ (съ печи). Карла Богданычъ!

Муфтель. Что?

Антипъ. Помираю, другъ.

Муфтель. Али худо?

Антипъ. Чего худо? Хорошо, а не худо. У Бога худого нѣтъ. Пора. Чужой вѣкъ заживаю.

Муфтель. Что у Бога дни усчитывать?

Антипъ. Вотъ, Карла Богданычъ, какъ по-мру я, деньги на колоду, на свѣчи пятнадцать рублей – тутъ на мнѣ, въ ладонкѣ. Тебѣ поручаю, потому ты нѣмецъ справедливый.

Муфтель. Попа звалъ ли?

Антипъ. На что мнѣ? Ко мнѣ намедни

свои, бродяжки, заходили... имъ грѣхи сдаль.
А попъ – пуцай князя хоронить.

Муфтель. Эка зла ты накопилъ, старикъ.
Вотъ умираешь, дохнуть тебѣ нечѣмъ, а ты
злобишься.

Антипъ. Слышь-ка, Богданычъ... У меня къ
тебѣ просьба... остатняя...

Муфтель. Приказывай, исполню.

Антипъ. Сей ларецъ... подъ подушкою... ты
его возьми... и, какъ есть, снеси ему... Де-
скасть, Антипъ кланяется вашему
сіятельству... съ того свѣта...

Муфтель. Ишь... тяжелый... деньги, что ли,
тутъ у тебя.

Антипъ. Отдай... въ собственныя руки.

Муфтель (*беретъ ларецъ*). Когда же снеси-то, дѣдушка? Сейчасъ или когда по-
мрешь?

Антипъ. Снеси...

Муфтель ушелъ.

Антипъ (*сползъ съ лежанки*). Вотъ тутъ –
подъ окномъ, на яблонѣ... на этой самой яблон-
ни... на возжахъ... Матюша, душа загублен-

ная!.. княгиня матушка!.. О-о-о-о-о!.. Слушайте старого Антипа!. О-о-о-о-о!.. Часокъ мой въкъ мой! За всѣхъ васъ! за всѣхъ!

Рыдаетъ. Слышенъ нечеловѣческій вопль князя.

Онъ вбѣгаетъ, шатаясь, синее лицо, волосы дыбомъ, въ рукахъ его шкатулка Антипа, изъ которой сыпятся бумаги.

Князь. Что? Что? Что?

Антипъ (весь оцетинился, грозный, грубый). Не дочиталь, такъ прочитай что! Въ подробности княгиня покойница весь грѣхъ описала.

Князь. А-а-а... врешь, врешь, врешь...

Кружится, по комнатѣ.

Антипъ. Что, Чортушка? Дочь свою единую законную... слышь ты? Единую свою, законную! – замучиль? Гнетомъ задавилъ, загналъ, своими руками холопу на шею повѣсилъ? Зятемъ бредишь? Зятя ищешь? Такъ – не сумлѣвайся: не съ кѣмъ другимъ. съ

Констою связалась... княжна-а! Ха-ха-ха! Вотъ какъ у насъ. Все видѣлъ я, все! Я это, я полюбниковъ благословилъ, въ путь-дорогу проводилъ! Ха-ха-ха!

Князь. Уб... уб... уб...

Качается на мѣстѣ, не въ силахъ броситься на Антипа.

Антипъ. Врешь! Не убьешь! Насъ съ тобой Богъ убилъ. Его рукою мы съ тобою отмѣчены. Человѣческой рукѣ къ намъ не прикоснуться... Сына ты хотѣлъ? Жену за сына замучилъ? На, бери! Дала она тебѣ сына. Благодари! Взлелѣялъ сына-то? Воспиталъ? Всѣ капиталы, имѣнія ему завѣщалъ? Родъ-фамилію на него возлагаешь? Живи княжи, твое сіятельство, князь Дмитрій Александровичъ Радунскій! Ха-ха-ха-ха!

Князь дико стонетъ.

Антипъ. Анъ, вотъ же и не Александровичъ, а Матвѣевичъ!.. ха-ха-ха-ха!

Князь *стонетъ*.

Антипъ. Есть у тебя сынъ да чужой... Капли крови въ немъ твоей нѣту. Наша въ немъ кровь... моя... мужицкая! Внукомъ онъ мнѣ приходится, сынъ-то твой... Матвѣевъ онъ, племянниковъ. праведной души... ха-ха-ха-ха!

Князь *снопомъ валится на полъ, къ его ногамъ*.

Антипъ. Лежи!. Кого ты загубилъ, въ могилкахъ лежать... Лежи!

Муфтель (*ворвался съ людьми, къ Антипу*). Дьяволъ, какого ты колдовства ему далъ?

Антипъ. Колдовству моему имя – смерть.

Муфтель (*хлопочетъ у князя*). Ваше сіятельство! ваше сіятельство!

Князь *мычитъ*.

Антипъ. Подбирай падло-то!

Муфтель. Дикими лошадьми разорву тебя, сатана!

Антипъ. Скорый какой! Шутишь: не

успѣешь! И самъ помру... Смерть-то она во... Видѣста очи мои... Его подбирай, а меня шутишь!.. За порогомъ она... смерть-то... дождается... Матюша... племянникъ... душа праведная... Я, Матюша, ничего... я не боюсь... я пойду... я старичекъ старый... на волю я... всегда согласенъ... пойду...

Уходитъ; слышно тяжелое паденіе тѣла.

Муфтель. Ваше сіятельство!.. ваше сіятельство!..

Левонъ (*смотритъ въ окно*). Не живъ, никакъ, старикъ-то?.. что-то упалъ...

Муфтель. Не до него, подлеца!

Князь. Му... му... му...

Взглядомъ ищетъ растерянные бумаги.

Муфтель. Бумаги, ваше сіятельство? Здѣсь... сжечь?.. слушаю...

Швыряетъ въ печь.

Князь (*глубоко вздыхаетъ, въ облегченіи*).

Му... му... му...

Тянется, къ Муфтелю лѣвою рукою.

Муфтель (всхлипываетъ). Благодарѣтель.

Нагнулся къ рукѣ. Князь перенялъ здоровою рукою его лицо и крѣпко цѣлуетъ въ губы.

Муфтель. Ваше сіятельство! вся жизнь была... вамъ, ваше сіятельство!.. (дворнѣ). Что стоите пнями? Бѣгите за батюшкою! Князя Дмитрія Александровича зовите! Его превосходительство!

Кн. Дмитрій (вбѣгаетъ, съ нимъ Липинъ, Вихровъ). Папа!

Изъ груди князя вырвался дикій вопль. Приподнявшись въ креслѣ, съ ужасомъ, гнѣвомъ, отвращеніемъ смотритъ онъ на сына, съ страшнымъ усиліемъ дѣлаетъ движеніе угрозы... захрапѣлъ, упалъ, умеръ.

Кн. Дмитрій (отскочилъ въ ужасъ, спрятавъ голову въ платѣ бонны). Папа! Папа!

Боюсь! Страшно! зачѣмъ? Папа!

Лавр. Иван. Господи! Словно дьяволъ по горницѣ-то пролетѣлъ.

Муфтель. Не стало благодѣтеля!

Липинъ. Скончался, какъ жилъ: ненавиद्या и проклиная.

Вихровъ. Послѣдній могиканъ!

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

Примечания

Первое представлѣніе въ Петербургѣ – въ Петербургскомъ театрѣ Н. Д. Красова, 26-го декабря 1907 года

[^^^]